
Вивьен Ламур
Клиника Эмбер Локвуд
Терапия для избранных

Вивьен Ламур

Клиника Эмбер Локвуд

«Автор»
2026

Ламур В.

Клиника Эмбер Локвуд / В. Ламур — «Автор», 2026

Меня вырвали из будущего и бросили в самое унизительное прошлое.Я очнулась в Англии 1914 года в теле девушки с безнадежной репутацией. Мой новый хозяин выкупил меня, чтобы скрыть скандал. Цена молчания – роль компаньонки для его жены, измученной таинственными болями.Весь дом смотрит на меня с презрением, ожидая покорности. Но во мне говорит голос врача из другого времени. Я вижу не просто симптомы: я вижу их причины.Моя новая клиника – это будуары и кабинеты аристократов. Мой метод – наблюдение. Мое лечение начинается с тех, кто считал меня никем.В этой игре мое прошлое – смертельный риск. Мои знания – единственное оружие. И пока все ждут скандала, я начинаю свою тихую терапию.

© Ламур В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Пробуждение 5
Глава 2. Условия сделки 9
Глава 3. Комната на чердаке 13
Глава 4. Утренний прием 16
Глава 5. Карта и компас 19
Глава 6. Незаметность и дедукция 22
Глава 7. Первый маневр 24
Глава 8. Клин клином 27
Глава 9. Кабинет сэра Генри 30
Глава 10. Утренняя ловушка 34
Глава 11. Невидимый фронт 36
Глава 12. Холодная ставка 40
Глава 13. Испытание в салоне 43
Г 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Вивьен Ламур
Клиника Эмбер Локвуд

Глава 1: Пробуждение

Боль пришла раньше сознания.

Сначала жгучие шлепки по щекам, резкие, безжалостные. Потом дикая нехватка воздуха. Я инстинктивно вцепилась в собственное горло, как будто пыталась оторвать от него чьи-то невидимые пальцы.

Тело согнулось в судорожном кашле. Каждое движение отзывалось болью в мышцах: той странной, глухой болью, которая бывает после долгой борьбы. Я хватала воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

А в голове мелькали обрывки.

Тусклый свет газовой лампы. Красные обои с золотыми завитками. Бархатная портьера. И лицо: молодое, рыжее, покрытое испариной. Глаза безумные, то ли от страха, то ли от чего-то еще похуже.

Его руки. Сначала просто грубые прикосновения, потом на моей шее. Запах виски и пота. Нарастающее давление. Я пыталась кричать, но из горла вырывался только хрип.

«Успокойся... молчи...», — рычал он.

Тьма накатила внезапно, сметая все. Чувство падения в бездну.

А потом этот приторный, сладкий запах. Как будто кто-то разлил флакон дешевых духов прямо у меня под носом. Он перебил все остальные ощущения и выдернул меня обратно в реальность.

Я открыла глаза.

Первое, что я увидела – глубокое декольте. Серьезно, настолько глубокое, что мне на секунду стало интересно, как там все держится. А над этим декольте лицо женщины лет сорока пяти. Яркий макияж, губы, выкрашенные в ядовито-розовый цвет, и прическа, в которой, кажется, использовали весь запас шпилек города.

Лицо было искажено злобой.

— Испортили товар! — проскрежетала она, и ее голос резанул по нервам. — Конченая! Кто теперь захочет за такую платить?!

Я медленно перевела взгляд вправо. Там стоял мужчина.

Одет он был... странно. Строгий костюм, идеально сидящий на широких плечах, но выглядевший так, словно его сшили для съемок в историческом фильме. Не моего времени, точно. Лицо как каменная маска. Седые волосы, подстриженные ежиком. Складки у рта, которые, казалось, высекли из гранита.

Глаза ясные, проницательные, цвета хорошего коньяка. Они не смотрели на меня с сочувствием. Они оценивали. Просчитывали.

«Где я?» — подумала я, и этот вопрос тут же вырвался наружу хриплым, чужим голосом.

— Где я? Кто вы?

Женщина в декольте замерла, ее злость на секунду сменилась удивлением. Видимо, от «конченого товара» не ожидали связных вопросов. Ее взгляд скользнул по мне, стал холодным, изучающим.

Мужчина тоже взглянул … с интересом. Его глаза встретились с моими. Но ни гнева, ни жалости. Просто констатация факта: «Ты здесь. Ты проблема».

Я огляделась. Комната... Боже, какая комната. Позолоченные рамы на стенах, тяжелые бархатные портьеры, мебель с витыми ножками. Ничего современного. Ничего знакомого.

«Публичный дом, — медленно, с ужасом осознала я. — Бордель. Салон. Как там это называлось в старые времена?»

Сердце упало куда-то в пятки.

Паника – штука интересная. Она либо парализует, либо дает неестественные силы. Меня, кажется, накрыло второе.

Я вскочила. Тело отозвалось протестом: хрупкое, слабое, непривычно легкое. Но я уже бежала к большому зеркалу в позолоченной раме на противоположной стене.

И замерла.

В зеркале смотрела на меня незнакомая девушка.

Молодая. Очень молодая, лет девятнадцати. Бледная, с синяками под глазами и, о боже, с явными отпечатками пальцев на шее. Волосы пепельно-русые, растрепанные, но от природы вьющиеся, они сейчас торчали во все стороны.

Но глаза...

Сначала я подумала, что и они чужие. Глаза... были мои. Настоящие. Серые, с этими зелено-желтыми крапинками, как мох на мокром камне. Точь-в-точь как у Ольги Синицыной, у меня. Я водила пальцем под своими – нет, под ее… нет, под нашими – глазами, ощущая подушечкой легчайшую дрожь века.

Это было невозможно и от этого становилось еще страшнее. Тело чужое. Лицо чужое. Вся эта хрупкая, недокормленная оболочка девятнадцатилетней… Эмбер Локвуд, о господи, я даже имя помню или знаю, неважно, главное, что оболочка чужая. Но взгляд... Взгляд был мой. Не испуганно-детский, не потухший. А тот самый: сканирующий, ставящий диагноз, отчаянно цепляющийся за факты.

Это был взгляд человека, который десять лет слушал, как хрустят позвонки, и учился различать мышечную боль от душевной. Взгляд, привыкший видеть суть, спрятанную под кожей.

И сейчас этот взгляд в чужом отражении горел панической, бешеной аналитикой. Он вытеснял остатки детской растерянности из этих глаз, заполняя их холодным, ясным ужасом понимания.

«Травма? Кома?» — пронеслось в голове.

Но боль в горле была слишком реальной. Холод пола под босыми ногами слишком ощутимым. Запах духов и табака слишком навязчивым.

Значит, я здесь не случайно. Значит, это... обмен? Слияние? Значит, хоть что-то настоящее от меня осталось.

Я прижала ладони к холодному стеклу, закрывая все, кроме этих двух серо-зеленых осколков себя в незнакомом лице.

«Хорошо, — прошептала я отражению, и губы Эмбер повторили движение. — Значит, договор такой. Твое тело. Мои глаза. Моя воля. Посмотрим, что из этого выйдет».

Инстинкт выживания, тот самый, что много раз вытаскивал меня из сложных ситуаций с трудными пациентами, щелкнул в голове как тумблер.

Надо выбираться. Отсюда. Сейчас.

Я стояла, уставившись на свое отражение, не в силах оторваться, но мои уши уже ловили каждый звук за спиной. Мой мозг, даже в шоке, переключался в режим сбора информации.

— ...мой человек едва не сделал из нее труп, — говорил мужской голос, низкий, без эмоций. — Это не должно стать публичной новостью.

Его человек? Значит, тот рыжий... был с ним связан?

— Она кончена, сэр Генри, — ответил женский голос и в нем теперь слышалась не злоба, а циничная констатация факта. — После такого страха... Клиенты чуют. Она теперь только для извращенцев да портовых крыс. А там и до канавы недалеко. Вложенные деньги на ветер.

Сэр Генри. Значит, у него есть имя.

— Тогда давайте решим это как прагматики, — сказал сэр Генри. Его тон не предлагал обсуждения. Он излагал план. — Ваша девица теперь проблема. Для вас. И, как выясняется, для меня. Я эту проблему забираю. Навсегда.

Забирает? Куда?

— Цена – списание ее долга и компенсация за ваши... хлопоты. И молчание.

Тишина. Я видела в зеркале, как женщина – мадам, должно быть, хозяйка этого заведения… да, так и есть, мадам Лизет, память вовремя подкинула воспоминание – задумалась. Ее лицо отражалось рядом с моим. Расчетливое, жесткое.

«Он платит не за меня, — с ледяной ясностью осенило меня. — Он платит за молчание. За то, чтобы эта история исчезла».

— Выбрасываете деньги, сэр, — наконец сказала мадам, но в ее голосе уже слышалась готовность согласиться. — Но если вы настаиваете... Двести фунтов. И мы никогда о ней не вспоминаем.

Двести фунтов. Сколько это? Много, наверное. Я стою двести фунтов в качестве... проблемы, которую нужно утилизировать.

— Сто пятьдесят, — без колебаний ответил сэр Генри. — И она уходит сейчас. Со всем, что на ней надето. Больше она здесь не появится.

Еще пауза. Короткая.

— Идет, — буркнула мадам.

Я медленно повернулась. Они оба смотрели на меня. Мадам с презрительным облегчением. Сэр Генри как на неодушевленный предмет, который наконец-то решили куда-то пристроить.

Это не спасение. Это перемещение из одной клетки в другую. Но клетка номер два, судя по всему, была все же лучше первой.

У меня не было сил сопротивляться. Не было вариантов. Не было даже понимания, где я и что происходит.

Я просто стояла. И ждала, что будет дальше.

— Иди с ним, — бросила мадам, махнув в мою сторону рукой, унизанной кольцами. — Твоя удача, дурочка. На твоем месте другие за такую возможность бы убивали.

«Удача, — с горькой иронией подумала я. — Да, конечно».

Сэр Генри не сказал мне ни слова. Он просто кивком показал на дверь. Даже не взглянул на меня прямо. Я была уже не человеком, а частью его плана.

Я сделала шаг. Потом еще один. Ноги подкашивались. В горле саднило. Но я шла.

Мадам сунула мне в руки какой-то простой, потертый плащ и обувь. Я обулась и накинула плащ на свое откровенное платье, с облегчением прикрывшись.

Мы вышли в коридор, потом спустились по узкой лестнице. Запахи изменились: теперь пахло жареным луком. Где-то играла расстроенная пианола, слышался женский смех, слишком громкий и фальшивый.

И наконец – выход. Холодный, влажный вечерний воздух ударил в лицо. Туман, такой густой, что фонари на улице казались размытыми желтыми пятнами.

У тротуара стояла закрытая карета, запряженная парой лошадей. Кучер в темной одежде сидел неподвижно, как изваяние.

В этот момент мимо с резким, сухим треском пронесся автомобиль. Не повозка, не дилижанс, а именно автомобиль. Черный, лаковый, похожий на неуклюжего жука. Он рычал и чадил, оставляя за собой сизый шлейф и запах бензина, который перебил все городские запахи. Карета и лошади на секунду замерли, будто негодуя на это вторжение.

Автомобили. И кареты. Вместе.

Мозг автоматически начал лихорадочно перебирать картинки из прочитанных романов и фильмов: твидовые костюмы, газовые фонари, эти самые корявые машины...

Господи. Это же... самое начало века? Двадцатого. 1914-й, что ли? Война, кажется, вот-вот начнется или уже идет...

Мысль оборвалась, не успев оформиться, застряв комом в горле.

Сэр Генри, не обращая ни малейшего внимания на этот шум, открыл дверцу кареты и жестом пригласил меня войти. Все еще без слов.

Я, оглушенная новым открытием, почти автоматически забралась внутрь. Сиденье было жестким, обивка потертой, но чистой.

Я бросила последний взгляд на здание, из которого вышла. Над входом висела вывеска: «Серебряные Колокольчики». Окна были ярко освещены, из-за занавесок проступали силуэты.

«Прощай, — подумала я без особой грусти. — Какое бы это ни было место».

Дверца захлопнулась с глухим стуком. Через секунду карета тронулась, мягко покачиваясь на неровной мостовой.

Я сидела, закутавшись в чужой плащ, и смотрела в темное окно, где мелькали размытые огни города. Шок начал отступать, уступая место странной, ледяной пустоте.

«Я в чужом теле. В чужом времени. В Англии, судя по всему. Меня только что купили, чтобы спрятать или…».

И тут, сквозь пустоту, прорвалось первое четкое чувство. Не страх. Не отчаяние.

Ярость.

Тихая, холодная, абсолютно трезвая ярость.

«Хорошо, — подумала я, глядя на свое отражение в темном стекле. — Раз уж я здесь. Раз уж я – Эмбер Локвуд. Давайте посмотрим, что я могу с этим сделать».

Карета выехала на темную дорогу, увозя меня из одного ада. И везя прямиком в другой. Но я уже знала одно наверняка:

Больше беспомощной я не буду. Никогда.

Глава 2. Условия сделки

Первые минуты в карете прошли в молчании. Я сидела, прижавшись к холодной стенке, кутаясь в жалкий плащ. Он был тонким, как бумага, и не спасал ни от чего. Холод пробирался сквозь ткань, заставляя кожу покрываться мурашками. Платье под плащом – легкое, шелковое, откровенное – годилось только для интимного спектакля, в котором я чуть не сыграла свою последнюю роль.

Дыхание стало видимым: маленькое облачко в воздухе. И тело, не мое, а ее, отозвалось на этот знак знакомой дрожью: предрождественский холод, запах мороза и безнадеги. Стоп. Их Рождество. Католическое. 25 декабря.

В моей же памяти холод пах иначе: снегом на Садовой, хвоей с елочного базара и ожиданием настоящего Рождества, того, что в январе. Здесь, в этой чужой стране, даже зима была не своя. Декабрь. Промокшие насквозь ботиночки леденели на ногах, напоминая, что побег из одного ада не гарантирует тепла в другом.

Я смотрела в окно. Город плыл мимо, как декорация к черно-белому фильму. Фонари, затянутые туманом, бросали на мостовую желтые расплывчатые круги. Пешеходы спешили, кутаясь в пальто и шарфы. Мимо проносились экипажи: крытые кэбы, грузовые телеги, изредка те самые рычащие автомобили. Это был живой, дышащий хаос начала века. Мой век. Точнее, ее век. Эмбер.

Мысли путались. Я помнила все о себе. Ольга Синицына, тридцать два года, реабилитолог. Утро, клиника, лифт. Двери закрылись, свет погас и тишина. А потом... пробуждение здесь. В этом теле, с этими воспоминаниями, которые не были моими, но теперь стали частью меня.

Я помнила дядюшку. Не его лицо, а смутный образ, запах кожи и краски. Мастерская где-то в промысловом квартале. Он был не злодеем из мелодрамы, а слабым человеком: мелким ремесленником, мечтавшим выбиться в люди. Карты, долги, отчаяние. А потом его исчезновение, чьи-то грубые руки, темная комната, голос мадам Лизет: «Забудь, как тебя звали. Теперь ты Стелла».

И тот рыжий. Его потные ладони, запах дешевого виски, панический блеск в глазах. Он не хотел убивать. Он просто хотел ее заставить молчать. Не рассчитал.

Я вздрогнула, почувствовав на себе взгляд. Сэр Генри сидел напротив, не сводя с меня глаз. Не изучающе, а.. оценивающе. Как бухгалтер рассматривает неожиданно выгодный актив.

Молчание затягивалось. У меня были вопросы. Много вопросов. Но я решила молчать. Мое происхождение, мои знания – это единственный козырь в этой игре. И я не собиралась разыгрывать его в первой же раздаче.

Он нарушил тишину первым. Его голос прозвучал в полумраке кареты спокойно, деловито, без намека на смущение.

— До сегодняшнего дня вы были девственницей?

Я резко подняла голову. Сначала не поняла. Потом вспомнила: бордель. Ну конечно. Откуда он ее взял. То есть, меня. Глупо ожидать светской беседы.

— Простите? — выдавила я, и голос прозвучал выше, чем хотелось.

Воспоминания хлынули волной, не спросив разрешения. Не мои воспоминания, а ее. Эмбер. Подготовка. Ее мыли, кормили, учили улыбаться. Говорили, что дядя умер, проигравшись снова. Что некому за нее заступиться. Что нужно быть послушной. А потом та комната, тот клиент, его руки, паника...

Я сделала глубокий вдох, стараясь унять дрожь в пальцах. Тело помнило страх. Но разум – мой разум – уже обрабатывал данные.

— Да, — сказала я четко. — Была. Тот… господин не успел. Я вырывалась. Он… зажал мне горло. Дальше – темнота. Я не знаю, что было после.

Сэр Генри кивнул. Не как человек, получивший личное откровение. Как стратег, получивший важную разведданную.

— Вы правы, — произнес он с той же невозмутимой уверенностью. — Он не успел. Когда я вышел в коридор, ваш… клиент был в состоянии, близком к истерике. Одежда в беспорядке, сам трясется. Он бормотал что-то о «несчастном случае» и «она не дышит». Человек, добившийся своего, так не выглядит. Он просто испугался и сбежал.

Он сказал это так же бесстрастно, как я когда-то фиксировала у пациента отсутствие рефлексов. Не было в его голосе ни осуждения, ни сочувствия к той панике. Была лишь констатация факта, свидетелем которого он стал. И этот факт идеально вписывался в его расчет.

— Это упрощает ситуацию, — произнес он. — Риск венерической болезни минимален. Привязанностей к прошлым клиентам нет. Вы чище, чем я предполагал.

Я слушала, и внутри что-то похолодело. Он не о травме бедной девушки, не о шоке. О рисках. О «чистоте актива». Злоба подкатила к горлу, но я ее проглотила. Злость сейчас бесполезна. Нужно было слушать дальше.

— Вы будете компаньонкой моей жены, леди Маргарет, — продолжил он, как будто зачитывая пункты контракта. — Она страдает мигренями: сильными головными болями. Врачи помогают мало. Ей требуется спокойное присутствие, помощь в быту, чтение вслух. Вы будете жить в нашем доме. Для всех вы – Эмбер Локвуд, сирота, взятая из милосердия после смерти вашего дяди-ремесленника. Все просто и не вызовет вопросов.

Я кивнула, переваривая информацию. Компаньонка. Уход. Близкий контакт с женой. Сестринское дело. Моя территория, даже если называть это иначе. Его спокойный, деловой тон... И внезапно кусочки сложились в неприятную, но логичную картину.

Я подняла на него взгляд: уже не испуганный, а аналитический. Те самые серо-зеленые глаза, которые видели сотни пациентов и учились читать между строк диагнозов.

— Вы спросили, девственна ли я.. — начала я медленно, подбирая слова. — Вы сказали, это упрощает. Минимизирует риски болезней, — я сделала паузу, давая ему, давая себе время проверить логику. — Но если я стану компаньонкой леди Маргарет, живущей в одном с вами доме... возник бы другой риск. Не сейчас, а.. в будущем.

Он не проронил ни звука, но его взгляд стал острее.

— Если вдруг... через несколько недель обнаружилось бы, что я беременна, — выговорила я, чувствуя, как нелепо и цинично звучат эти слова, — у леди Маргарет неизбежно возникли бы вопросы. От кого? И почему именно вы, сэр, привезли меня в дом посреди ночи из такого... места? А ведь я непременно где-то да проболталась бы, верно?

В карете повисла тишина, густая, как туман за окном. Только стук колес по булыжнику. Сэр Генри смотрел на меня так, будто переоценивал заново. Не как на проблему или актив, а как на неожиданного, возможно, опасного союзника с острым умом.

— Вы не перестаете удивлять, мисс Локвуд, — наконец сказал он. Без одобрения. Без укора. Констатация факта, который теперь нужно учесть в расчетах.

— Я просто слушаю и складываю дважды два, — пожала я плечами. — Вы хотите скрыть свое присутствие в «Серебряных Колокольчиках». Я хочу, чтобы мое прошлое там навсегда исчезло. Похоже, наши интересы... совпадают.

Уголок его рта дернулся: самое призрачное подобие улыбки, которое только можно вообразить на этом каменном лице.

— Похоже, что так. Хорошо. Давайте назовем это взаимопониманием. Вы забываете, где я вас нашел. Я гарантирую, что ваше прошлое останется погребенным. Вы – компаньонка леди Маргарет, и точка. И я обеспечу вам безопасность и стабильность.

— А тот мужчина? — спросила я, возвращаясь к началу. — Рыжий. Вы сказали: «… мой человек едва не сделал из нее труп».

Лицо сэра Генри окаменело.

— Мой младший инженер на заводе. Способный, но глупый, — он помолчал, его пальцы постучали по колену. — Мадам Лизетт брала за ночь с невинной, кем вы являетесь, должно быть, не меньше пятидесяти фунтов. У молодого специалиста такой суммы в кармане быть не должно. Даже если он азартен и копил, потратить полгода зарплаты за одну ночь – невероятно для такого, как он. Значит, деньги легкие, чужие. Скорее всего, он стащил их со склада или из кассы.

Теперь я поняла всю картину. Сэр Генри думал не только о скандале. Он случайно наткнулся на след хищений на своем заводе. Я оказалась не просто уликой в деликатной истории, а невольной зацепкой в уголовном деле.

— Так что, в каком-то смысле, я должен быть вам благодарен, — сухо заметил он. — Вы указали на брешь, о которой я не подозревал.

— Всегда рада помочь бизнесу, — ответила я с легкой иронией.

Он посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Этот разговор окончен. Он больше не повторится и никогда не всплывет. Вы понимаете?

— Абсолютно.

— И еще... — он слегка наклонился вперед. — Приношу извинения за... откровенность вопросов. Неприлично обсуждать подобные темы с юной леди.

Это было не искреннее раскаяние. Это был ритуальный жест. Штрих, подводящий черту под «деловой частью» и обозначающий возврат к светским приличиям.

— Все в порядке, сэр, — сказала я, опустив глаза, играя отведенную роль смиренной девушки.

Карета замедлила ход. За окном сменилась картина. Шумные торговые улицы остались позади. Мы ехали по широкой, прямой аллее, обсаженной голыми деревьями. По обе стороны тянулись высокие кованые заборы и обширные, безукоризненно ровные газоны, побуревшие от мороза и укрытые серебристым инеем. Тут и там за голыми кронами деревьев виднелись большие дома: не дворцы, но солидные, добротные особняки из темного кирпича или камня, с островерхими крышами, башенками и светящимися изнутри окнами.

Мы остановились у одних из черных ворот с замысловатым узором. Кучер что-то крикнул сторожу, ворота со скрипом открылись, и карета въехала на ухоженную гравийную дорожку. Дом был не самым большим на улице, но внушительным: три этажа, симметричные ряды окон, парадная дверь под массивным каменным козырьком. В нескольких окнах горел свет.

Сэр Генри вышел первым, затем, обернувшись, подал мне руку. Его ладонь была твердой, шершавой: не рукой праздного аристократа, а рукой человека, который знает вес металла и не боится работы. Я вышла, едва удерживаясь на онемевших, закоченевших ногах.

— Миссис Тернбулл, — произнес он, не повышая голоса, но так, что слово прозвучало четко, как команда.

Из тени под козырьком на свет газового фонаря вышла женщина. Немолодая, лет пятидесяти, в темном строгом платье с высоким воротником и белыми манжетами. Ее лицо, казалось, было вырезано из самого неприступного гранита. Волосы, собранные в тугой, безупречный узел, седина у висков. Взгляд ледяной, оценивающий, без капли тепла или простого человеческого любопытства.

— Это мисс Локвуд, — сказал сэр Генри, кивнув в мою сторону. — Она будет компаньонкой леди Маргарет. У нее нет вещей. Позаботьтесь о ней.

Миссис Тернбулл кивнула, не сводя с меня глаз. В этом одном взгляде было все: презрение к моему жалкому, неподобающему виду, глубочайшее недоверие к моему происхождению, и твердая, как сталь, готовность немедленно поставить на место.

— Пойдемте, — сказала она сухо, не предлагая руки, не улыбаясь, не называя меня «мисс».

Сэр Генри коротко кивнул мне на прощание и направился к парадной двери, оставляя меня наедине с этой каменной глыбой в юбке.

Я вздохнула, почувствовав, как холодный ночной воздух обжигает легкие. Позади бордель, скандал, почти смерть, странная сделка. Впереди – новый дом, новые правила, новая роль под колючим взглядом миссис Тернбулл.

И где-то глубоко внутри, под слоем ледяной усталости, страха и отчужденности, теплилась та самая тихая, холодная ярость. И решимость.

Я посмотрела на освещенные окна дома, потом на непроницаемое лицо экономки.

— Хорошо, — тихо сказала я, больше себе, чем ей. — Пойдемте.

И сделала первый шаг по холодному гравию к своей новой клетке. Своей новой крепости. Своему новому полю боя.

Глава 3. Комната на чердаке

Миссис Тернбулл развернулась и пошла, не оглядываясь. Мне пришлось поспевать за ее прямой, негнущейся спиной. Мы не пошли к парадной двери, а свернули в узкую арку рядом с подъездом. Там оказалась еще одна дверь, черная, без украшений. Экономка отперла ее тяжелым ключом.

Внутри пахло воском, мылом и старым деревом. И холодом. Таким специфическим, промозглым холодом больших домов, где тепло было привилегией и никогда не доходило до помещений для прислуги.

Из обрывков прочитанных некогда исторических романов я помнила: где-то в парадных комнатах уже, наверное, внедрили паровое отопление, а здесь – лишь уголь в камине, если повезет.

Меня невольно передернуло. Мой тонкий плащ и шелковое платье не представляли для холода никакой преграды. Мурашки побежали по спине.

Мы двинулись по коридору. Освещение было скудным: где-то вдалеке тускло мигал газовый рожок, вкрученный прямо в стену. Свет от него был желтым и жидким, он не рассеивал мрак, а лишь подчеркивал его густоту.

Миссис Тернбулл несла в руке масляную лампу – основной источник света. В его колеблющемся круге я успевала различать детали: узкое пространство, голые стены, выкрашенные в темно-зеленый цвет. Под ногами скрипел протертый линолеум: дешевое практичное покрытие, пахнущее олифой и пылью. Огонек лампы отбрасывал на стены наши гигантские, пляшущие тени.

Поднялись по лестнице. Не широкой парадной, а служебной, крутой и скрипучей. На каждой площадке стоял такой же газовый рожок. От него чуть теплее не становилось, зато запах газа смешивался с общей сыростью.

Я шла, держась за холодные перила, и думала лишь об одном: двигаться. Пока я двигалась, кровь хоть как-то циркулировала, не давая телу окончательно одеревенеть.

Еще один коридор, еще лестница. Третий этаж, а точнее, уже чердак. Здесь было еще холоднее и темнее. Коридоры стали уже, потолки ниже, чувствовался наклон крыши над головой. Двери располагались часто, все одинаковые, простые. Комнаты для прислуги.

Наконец, миссис Тернбулл остановилась у одной из них, снова достала ключ и открыла дверь.

— Ваша комната, — произнесла она, шагнув внутрь и поставив лампу на небольшой стол у стены.

Я вошла и огляделась. Комната была крошечной. Прямоугольная коробка с низким потолком. В стене напротив двери небольшое квадратное окошко. Сейчас в нем отражался свет лампы, за стеклом – чернота. Наверное, вид на сад, но разглядеть что-то ночью было невозможно.

Мебели минимум. У стены железная кровать с тонким матрасом. Рядом простой деревянный стол и табуретка. У противоположной стены невысокий комод из темного дерева. Потускневшее зеркало. И камин. Небольшой, простой, но он был. Это увиделось мне настоящим чудом. В такой клетушке даже самый скромный очаг мог спасти от обледенения.

Но он был холодным и черным. Внутри лежало несколько потухших углей и щепотка серого пепла.

Экономка вышла в коридор и через минуту вернулась, неся в руках аккуратную стопку ткани. Она положила ее на край кровати.

— Нижнее белье, чулки, — перечислила она без интонации. — И униформа. Темное шерстяное платье, передник, чепец. Если леди Маргарет сочтет нужным одевать вас иначе, будет предоставлено другое. Пока это.

Она кивнула в сторону комода. На нем стоял жестяной таз и глиняный кувшин с водой.

— Камин растопите сами. Дрова и уголь в корзине рядом. Спички на полке. Воду грейте там же, если хотите теплой. В кувшине – колодезная, для умывания сойдет.

Она повернулась к выходу.

— Утром я приду за вами, чтобы представить вас леди Маргарет. Будьте готовы.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал негромко, но четко. Меня не заперли, но ощущение было именно такое: вот она, новая клетка.

Я осталась одна. Стояла посередине комнаты, кутаясь в плащ, и просто дышала. Тишина была густой, почти осязаемой. Прерывалась только далеким скрипом половиц и завыванием ветра в трубе где-то рядом.

Ну что ж. Жива. Не в борделе. Уже хорошо.

Первым делом камин. Без тепла я тут точно превращусь в сосульку. Я подошла к очагу. В плетеной корзинке рядом лежали аккуратные поленья и мешочек с углем. На узкой полке над камином коробка спичек, щипцы и кочерга.

В голове что-то щелкнуло. Не мои знания, нет. Это мышечная память Эмбер Локвуд подала тихий сигнал. Руки сами потянулись к щипцам, чтобы расшевелить старые угли. Я нашла на столе обрывок какого-то счета, сгодится как растопка. Подложила под щепки, чиркнула спичкой. Яркая вспышка серы, потом трепетный огонек. Я поднесла его к бумаге, затаила дыхание. Бумага обуглилась, вспыхнула. Огонь перекинулся на щепки, затрещал, начал лизать поленья.

Я присела на корточки, подставила ладони к набирающему силу пламени. Первое тепло было почти болезненным. Потом по телу разлилось блаженное, глупое облегчение. Я повернулась спиной к огню, давая теплу прогреть промерзшую насквозь ткань плаща. Комната была маленькой, и это работало на руку: тепло не растекалось в пустоту, а оставалось внутри.

Пока огонь разгорался, я осмотрела принесенную одежду. Белье… Хлопковая сорочка до колен, довольно грубая на ощупь. Панталоны с высокой талией и кружевами по низу. Неожиданно. Чулки шерстяные, плотные. И обувь: крепкие, поношенные, но целые черные ботинки на пуговицах, с негнущейся подошвой – типичная обувь для прислуги, чтобы целый день на ногах простоять. И униформа. Все как сказали: темно-синее, почти черное шерстяное платье с длинным рукавом и высоким воротником. Передник белый, полотняный. Чепец простой, без оборок.

На стук в дверь я вздрогнула. Вошла молодая девушка в похожем переднике, несла тарелку, прикрытую другой тарелкой.

— От ужина, мисс, — пробормотала она, даже не глядя на меня, поставила еду на стол и исчезла.

Я подняла верхнюю тарелку. Остатки, да. Несколько ломтиков холодной вареной говядины, комок разваренного желтоватого овоща и кусок хлеба.

«Брюква», – спокойно и четко подсказала где-то в глубине память Эмбер, с ее скудными, но привычными обедами. И тут же, будто в ответ, из моей памяти всплыла картинка из старой энциклопедии: корнеплод, похожий на репу. Так вот ты какая. Чай не принесли. Ладно. По крайней мере, не пусто.

Пора было приводить себя в порядок. Сбросила наконец жалкое шелковое платье. Налила в таз воды из кувшина. Вода была ледяной, колодезной. Мыться в таком – сомнительное удовольствие. Пришлось ограничиться тем, что называют «кошачьим умыванием». Смочила уголок чистой тряпицы, добытой из комода.

В потрескавшемся зеркале на меня смотрело чужое бледное тело. Вернее, мое теперь. К этой мысли я все не могла привыкнуть. Со вздохом я принялась осторожно протирать кожу. Вода холодила, заставляя вздрагивать.

Когда добралась до шеи, не удержалась и пригляделась к синякам в тусклом отражении. Темные пятна, отпечатки пальцев... Показалось, что даже они чуть посветлели от этой ледяной процедуры. Или это свет лампы так обманчиво ложится? Или просто мерещится от усталости и желания, чтобы все это поскорее прошло.

Я вздохнула, дотерлась до конца и отставила тряпицу в сторону. Дрожь пробежала по коже: от воды, от холода в комнате. Тепло от камина еще не обогрело мою клетушку основательно. Нужно было согреться и… на всякий случай быть готовой. Мало ли, если эта Тернбулл вернется, а я стою тут в одних панталонах.

Натянула на себя новое белье. Хлопок был жестким, но чистым. Это главное. Затем шерстяное платье. Ткань, грубая на ощупь, оказалась на удивление теплой, хоть и кололась в некоторых местах. Примерила, будто доспехи: так, сойдет. Сидит почти по фигуре, лишь немного мешковато в талии. Значит, двигаться не помешает. Чулки, передник, чепец…

Глядя на свое отражение, я едва узнала ту девушку из зеркала в «Серебряных Колокольчиках». Теперь я была похожа на всех остальных служанок в этом доме. Безликая, серая, правильная.

Перекусила холодной говядиной и брюквой. Еда была пресной, но я съела все до крошки. Силы были нужны.

Я прислушалась. В коридоре стояла мертвая тишина. Ни шагов, ни голосов. Значит, никто не собирался меня больше тревожить сегодня.

Перед сном потушила лампу, оставив только свет от камина. Огонь уже устоялся, ровно и уютно потрескивал. Раздеваться полностью не было никакого желания. Декабрь за окном, камин потухнет к утру и снова будет холодрыга. Я сняла только платье, передник и чепец, оставшись в сорочке и панталонах, и забралась под одеяло.

Постельное белье оказалось грубым, но чистым. Одеяло шерстяным, тяжелым. Матрас тонкий, пружины кровати чувствовались под спиной. Но после сегодняшнего дня это показалось вершиной комфорта. Я лежала, глядя на потолок, где танцевали отблески огня.

Мысли полезли в голову сами, не спрашивая разрешения. Лифт. Темнота. Последний вдох воздуха из моего мира. Потом чужое тело, чужая жизнь. Воспоминания, которые не мои, но теперь мои: имя Эмбер Локвуд, дядя-ремесленник, долги, «Серебряные Колокольчики» ... Англия, 1914-й, кажется. Война на пороге. А я здесь, на чердаке богатого дома, купленная как проблема. Компаньонка для больной жены. Новая роль. Новая игра.

Но я все еще здесь. Я – Ольга. За этими серо-зелеными глазами все еще я. И раз уж так вышло, придется играть по новым правилам. Выжить. Соображать. И, может быть, найти способ… нет, даже думать об этом рано. Сначала заснуть. Завтра будет новый день. И леди Маргарет.

Я повернулась на бок, к теплу камина, и закрыла глаза. За окном завывал зимний ветер, а в трубе печально гудел сквозняк. Но в моей маленькой крепости на чердаке было тихо и, наконец, тепло.

Глава 4. Утренний прием

Меня разбудил стук в дверь. Жесткий, без просьб. Я открыла глаза. В комнате было холодно, камин потух, оставив после себя горстку серого пепла и стойкое ощущение сырости в костях.

— Встали? — раздался за дверью голос миссис Тернбулл.

— Да, — выдавила я, садясь на кровати. Тело ныло.

Дверь открылась, и экономка вошла, не дожидаясь приглашения. Она окинула меня одним быстрым, оценивающим взглядом: с ног до головы, как осматривают скот.

— Приведите себя в порядок. Через пятнадцать минут я за вами приду. Леди Маргарет ждет вас в своих апартаментах на утреннем чае.

Она вышла, оставив дверь открытой. Посыл был ясен: не задерживайся.

Я встала, налила в таз остатки ледяной воды из кувшина и умылась. Вода обожгла кожу, зато прогнала остатки сна. Натянула на себя все это добро: колючие шерстяные чулки, уродливое темное платье и белый передник. Волосы, эти непослушные кудри, я попыталась собрать и заткнуть под простой чепец.

Я подошла к зеркалу и осмотрела себя критично. Если не считать бледного вида — вполне сойдет. Платье сидело прилично, волосы убраны.

Но главное – глаза. Они были мои. Ясные. Я была собрана. Так же, как каждое утро перед сменой в реабилитационном центре. Внутренний переключатель щелкнул. «Режим приема, — мысленно констатировала я. — Собрать анамнез».

Ровно через четверть часамиссис Тернбулл вернулась. Молча развернулась на каблуках и двинулась прочь. На этот раз наш маршрут лежал не к черной двери прислуги.

Мы спустились на этаж ниже и свернули в другой коридор. Через минуту я уже стояла у подножия широкой парадной лестницы. Я замерла на мгновение, сравнивая.

Контраст был поразительным. Под ногами толстый ковер, глушивший шаги. Стены украшали картины в золоченых рамах и зеркала. Вместо запаха капусты и сырости пахло чем-то сладковатым: дорогими духами или сухими цветами. И было тепло. Откуда-то из-за плинтусов тянуло сухим, ровным теплом. Паровое отопление. Роскошь.

Мы остановились у высокой двери из темного дерева. Миссис Тернбулл постучала.

— Войдите, — донеслось из-за двери. Голос был низким, спокойным, без интонаций.

Экономка открыла дверь, пропустила меня вперед и осталась на пороге, словно часовой.

Я вошла и на секунду замерла, сканируя обстановку. Спальня. Большая, светлая, но шторы на высоких окнах были полузакрыты, пропуская лишь рассеянный зимний свет. Комната была выдержана в голубых и кремовых тонах. Беспорядка не было, но чувствовалась жилая атмосфера: книга, лежащая корешком вверх на шелковом покрывале, накинутая на спинку кресла кружевная шаль.

Воздух пах лавандой, пчелиным воском свечей и едва уловимой, горьковатой ноткой: камфарой. Обезболивающее.

Леди Маргарет сидела не в постели, а в глубоком кресле у камина. На ней был изящный пеньюар из кремового кружева и шелка. Ее серебристо-белые волосы были аккуратно убраны, но не уложены в сложную прическу. Лицо бледное, с тонкими, четкими чертами. Под глазами легкая тень усталости, между бровей едва заметная вертикальная складка, знакомая мне по сотням пациентов с хронической болью. Но ее спина была прямой, а руки спокойно лежали на коленях. Пальцы не сжимались в кулаки от спазма. Значит, прямо сейчас приступ не в острой фазе.

На прикроватном столике стоял поднос: тонкая фарфоровая чашка с чаем, тост, маленькая вазочка с мармеладом. И еще пузырек с темной микстурой и очки в перламутровой оправе.

Она не смотрела на меня. Дала мне постоять, осмотреться, прочувствовать дистанцию. Потом медленно подняла голову. Ее глаза были светло-голубыми, почти прозрачными. Взгляд не враждебный. Сканирующий. Как луч рентгена.

— Так вы и есть мисс Локвуд, — произнесла она. Голос ровный, без дружелюбия. — Подойдите ближе. Дайте на вас посмотреть.

Я сделала несколько шагов вперед и остановилась на почтительном расстоянии. Не опустила глаз. Мой взгляд скользнул по ней, отмечая детали: легкое прищуривание от полосы света у окна, небольшая, привычная напряженность в мышцах шеи и плеч.

— Вы довольно… смелы для девушки в вашем положении, — сказала леди Маргарет, заметив мой изучающий взгляд. — Или бесцеремонны?

Я внутренне вздрогнула. Проклятье, меня сдал мой же взгляд. Взгляд Ольги. Настоящая Эмбер на моем месте уже бы потупилась, испуганно уставившись в пол. Мне нужно было срочно это объяснить, прикрыть свою ошибку правдоподобной ложью.

— Прошу прощения, леди Маргарет, — ответила я, чуть склонив голову, пытаясь смягчить впечатление. — Старая привычка. Мой дядя часто болел. Я училась ухаживать за ним и… читать признаки недомогания. Это невежливость, скорее… рефлекс.

Ее брови чуть приподнялись. Холодный интерес.

— И что же вы читаете сейчас?

Я решилась на маленький риск.

— Что свет из этого окна, даже сквозь шторы, причиняет вам дискомфорт. И что ночь прошла не совсем спокойно. Могу ошибаться.

Она не ответила. Не подтвердила, не опровергла. Просто смотрела на меня чуть дольше, и в глубине ее ледяных глаз что-то промелькнуло. Не гнев. Любопытство. Как у кошки, увидевшей новую, незнакомую игрушку.

— Мой муж сказал, вы будете помогать мне, — сменила она тему, но тон стал чуть менее формальным. — Читать, сопровождать, обеспечивать покой. Вы умеете читать вслух? Не монотонно?

— Умею, — ответила я, быстро подбирая новую легенду под этот навык. — В благотворительной школе при церкви, куда я ходила, нас учили читать нараспев, по псалтырю. А потом дядя брал в долг у букиниста томики стихов и романов. Старые, потрепанные. Я ему читала вечерами, пока он работал. Училась, какие слова убаюкивают, а какие будоражат.

Она кивнула. Потом ее взгляд, явственно поморщившись, скользнул по моей уродливой униформе, переднику, чепцу.

— Эта роба невыносима, — произнесла она с легким презрением. — Вы выглядите как младшая кухарка. Миссис Тернбулл!

Экономка, стоявшая у двери, сделала шаг вперед.

— Найдите для мисс Локвуд что-нибудь из моих прошлых платьев. Что-нибудь простое, из серого или темно-синего шерстяного крепа. Никаких передников и чепцов в моем присутствии. Она компаньонка, а не горничная.

Лицо миссис Тернбулл осталось каменным, но я уловила в нем едва заметную судорогу недовольства. «Приказ выполню, но не одобряю», — гласил весь ее вид.

— Начнем сегодня после полудня, — леди Маргарет указала на книгу на столике. — Прочтите главу заранее. Решите, подходит ли она для чтения вслух больной даме.

Она слегка откинулась в кресле, давая понять, что аудиенция окончена. Я уже было собралась уходить, повернувшись к двери, как ее голос остановил меня. Она говорила, не глядя на меня, поправляя складку на пеньюаре.

— В этом доме ценится умение быть полезным. И… незаметным. Ценится еще выше. Вы понимаете разницу, мисс Локвуд?

Я обернулась и снова слегка поклонилась.

— Абсолютно, леди Маргарет. Благодарю вас.

Она не ответила. Я вышла в коридор, и дверь за мной тихо закрыла миссис Тернбулл. Мы двинулись обратно. Экономка молчала, ее спина была прямее и неприступнее обычного. Приказ переодеть выскочку явно не пришелся ей по вкусу.

Я шла за ней, переваривая услышанное. Выводы складывались сами.

Леди Маргарет умна. Но скучает и страдает. Это было видно по складке боли между бровей, по прищуренным глазам. Она хозяйка этого идеального дома. А я – непонятный элемент, привезенный ее мужем посреди ночи. Я нарушаю порядок. Я – угроза. Но в ее взгляде был не только холод. Был интерес. Значит, я также могу быть и полезной диковинкой. Инструментом. Не другом, но потенциальным союзником, если предложить что-то стоящее.

Например, облегчение ее боли.

«Принимаю ваши условия, леди Маргарет, — подумала я про себя. — Вы – мой главный пациент. А лучший способ привязать пациента – стать незаменимым».

Миссис Тернбулл резко остановилась у поворота, ведущего обратно в служебные помещения.

— Ждите здесь платья. Не бродите, — бросила она и скрылась за углом.

Я осталась одна в тихом коридоре. И в этот момент из соседней двери вышел мужчина. Молодой, с темными волосами, в твидовом пиджаке. Он опирался на трость.

Наши взгляды встретились на долю секунды.

Глава 5. Карта и компас

Дверь за молодым человеком с тростью мягко закрылась, словно запечатав мимолетную сцену в тишине. Я так и не опустила взгляд, и он, уходя, этого не поправил. В его глазах было то самое недоумение, которое я уже видела у леди Маргарет. Почему не потупилась? Почему не сделала книксен? Немой вопрос повис в воздухе. Мой взгляд, взгляд Ольги, снова меня выдал. Проклятье.

Миссис Тернбулл вернулась быстрее, чем я ожидала. В ее руках был аккуратный ворох ткани. Она сунула его мне, не глядя.

— Компаньонка для леди Маргарет не должна походить на горничную, — произнесла она сухо, но в этой сухости слышалось жужжание осы, ужаленной приказом свыше. — Следите за чистотой. Идемте.

Она развернулась и пошла, не проверяя, следую ли я. Прижав ворох платья к себе одной рукой, другой я крепче сжала книгу, которую не выпускала с момента выхода из спальни леди Маргарет. Ее корешок был холодным и плотным под пальцами, золотое тиснение слегка царапалось. Физическое напоминание о поручении, о моем первом испытании в этом доме.

Мы прошли по коридору и поднялись по скрипучей лестнице. По пути экономка коротко ткнула пальцем в сторону узкой двери:

— Умывальня. Для женской прислуги. Воду грейте сами.

Потом указала на другую лестницу, уходящую вниз, в кромешную тьму, откуда тянуло запахом жареного лука:

— Кухня. Есть будете там или забирать в комнату. Посуду мыть самим. Комнату убирать самим. Правила просты.

Дверь в мою клетку захлопнулась за ней. Я осталась одна.

Отложив книгу, я развернула ворох на кровати. Два платья. Одно пепельно-серое, из мягкой шерсти, простое по крою, но с изящно застегнутым воротником-стойкой. Второе темно-синее, почти черное, из плотного крепа. К ним смена нижнего белья, чулки потоньше вчерашних. Ничего роскошного, но добротное, чистое, ее. Платья леди Маргарет.

«Новая униформа, — подумала я, снимая колючую робу горничной. — Не слуги. Союзницы? Инструмента? Все равно доспехи».

Ткань серого платья оказалась на удивление приятной на ощупь. Я надела его. Оно село почти идеально, лишь чуть свободнее в талии. Перед зеркалом стояла уже не безликая служанка, а скромно одетая девушка из хорошей семьи. Только глаза… Серо-зеленые, с крапинками. Слишком живые, слишком видящие. В них все еще горел холодный огонь анализа.

Желудок предательски заурчал, напомнив о вчерашней брюкве и жесткой говядине. Тело Эмбер, привыкшее к скудной, грубой пище, терпело. Но сознание Ольги, помнящее о нормальном питании и ритме жизни, бунтовало, отказываясь принимать эту новую реальность как данность. Легкая тошнота, слабость в коленях, предательское головокружение при резком движении.

Я мысленно нащупала ребра под грубой тканью платья. Худоба, бледность, явный дефицит всего на свете – это нужно было менять, и как можно скорее. Но как, будучи здесь всего первый день и не имея ни гроша, я пока не знала.

Приоритет номер один: еда. Не ради утоления голода, а ради выживания. Если хочешь жить, сначала накорми тело. Потом уже думай обо всем остальном. Подхватив книгу, как пропуск, я вышла из комнаты.

Спуск по служебной лестнице был погружением в другой мир. Сырость и едкий запах угольной гари от каминов сменились густыми, наваристыми ароматами. Воздух дрожал от жара огромной плиты и гудел от голосов.

Здесь кипела жизнь. В углу мальчишка лет тринадцати, в грубых штанах и холщовой рубахе, колол щепки, швыряя поленья в плетеную корзину. Молодая девушка в заляпанном фартуке, красная от жара, помешивала что-то в медном тазу. А в центре, подобно капитану на мостике, стояла высокая, дородная женщина лет пятидесяти с лицом, вырубленным из красного песчаника. Она что-то отрывисто диктовала девушке, и та, бормоча «да, миссис Хьюз», старалась угнаться за ее темпом.

Миссис Хьюз. Повариха. Неоспоримая владычица этого царства пара и жира.

Я сделала шаг вперед, и все разговоры на секунду стихли. Несколько пар глаз уставились на меня. На мое серое шерстяное платье, которое так явно отличалось от униформы горничных.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но без вызова. — Миссис Тернбулл сказала, я могу взять что-нибудь поесть. Я новая компаньонка леди Маргарет, мисс Локвуд.

Миссис Хьюз медленно обернулась. Ее взгляд, тяжелый и оценивающий, поднялся от платья к лицу, задержался на секунду. Она все поняла. Во взгляде не было одобрения, но была холодная констатация факта: новое положение, новые правила.

— Утром все уже позавтракали, — произнесла она, и голос ее был густым, как ее же подливы. — На долю запоздалых остатки. Энни, дай мисс Локвуд овсянки. И чаю.

Девушка-кухарка кивнула и налила в миску густую сероватую массу, сверху плеснув молока из глиняного кувшина. Я поблагодарила и отошла к грубому деревянному столу.

Овсянка была густой, безвкусной, но сытной. Чай уже не первой крепости, но горячий. Я медленно ела, стараясь быть незаметной, но оставляя уши настороже.

На краю стола стоял поднос, покрытый белой салфеткой. На нем пустая тонкая фарфоровая чашка, тарелочка с гренками, маленький серебряный графинчик со сливками и… пузырек с темно-коричневой микстурой. Знакомая горьковатая нотка камфары витала рядом. На плите тихо булькал медный котелок с темным, наваристым бульоном.

Я замерла. Профессиональный ужас, холодный и ясный, накрыл меня с головой.

Энни, заметив мой взгляд, неуверенно мотнула головой в сторону кастрюли.

— Для леди Маргарет, — тихо пояснила она, как будто извиняясь. — По утрам всегда так. Крепкий бульон, гренки. Говорят, силы придает.

Я молча кивнула, не в силах оторвать глаз от этого смертельного для мигрени набора.

При этом недуге организм и так на пределе. Сосуды мозга то сжимаются, то резко расширяются, вызывая ту самую невыносимую, пульсирующую боль. А заодно бросает в спазм все вокруг: и мышцы шеи, и желудок. Он не просто болит, он останавливается, отказывается принимать пищу. Любой жир, любая тяжесть – удар по сведенным судорогой стенкам.

И ей на завтрак наваристый бульон. Сливки. Гренки. Чтобы гарантированно спровоцировать тошноту, усилить пульсацию в висках. А потом, когда станет совсем невмоготу, темная микстура. Опиат. Он, может, и притупит боль на час, зато гарантированно свяжет кишечник и добавит мутной тяжести в и без того перегруженную голову.

Это был не завтрак. Это была система. Порочный круг, в котором одно недомогание цепляло другое. Лечили не болезнь, а терпение. И делали это с убийственной, благородной аккуратностью.

Я отпила глоток чая. Он обжег губы, но внутри все равно оставалось холодно. Так вот где мое первое поле боя. Не в косых взглядах экономки. А вот здесь, в этом медном котелке, дымящемся на плите.

Просто наблюдать, как она это ест и мучается? Это было бы преступно. Нет, нужно действовать. Но как? В лоб не выйдет: «Леди Маргарет, ваши врачи – идиоты». Это прямой путь обратно на улицу. Нужно осторожно. Очень осторожно.

План начал складываться сам собой, холодный и четкий.

Во-первых, узнать, кто именно прописал этот «рацион»: семейный врач, сама леди Маргарет по привычке, или это инициатива миссис Тернбулл, свято верящей в силу крепкого бульона.

Во-вторых, предложить альтернативу. Не как приказ, а как заботливую догадку. «Леди Маргарет, я читала, что иногда легкая пища лучше усваивается, когда голова не в порядке…»

Свалить на народную мудрость, на простой опыт – это вызовет меньше подозрений, чем уверенность образованного медика.

В-третьих, взять на себя. Предложить самой сбегать на кухню, попросить для нее что-то легкое. Овощной отвар, сухарик. Сделать это своей маленькой обязанностью. Так я не только помогу, но и начну очерчивать границы своей новой роли: активной помощницы, у которой есть свои, пусть и скромные, идеи.

Это риск. Малейшая ошибка и меня сочтут выскочкой, которая лезет не в свое дело. Но и бездействие – больший риск. Пока я здесь, я должна быть полезна. И лечить. Даже если моя «клиника» – это всего лишь спальня, а инструменты – осторожные слова и тарелка супа.

Я сделала последний глоток чая, доев последнюю ложку овсянки, поставила кружку и посмотрела на поднос уже другими глазами. Не как на свидетельство чужой глупости, а как на первую задачу. Сложную, но решаемую.

Мальчишка что-то шепнул Энни, кивая в сторону верхних этажей:

— …мистер Дэвид опять до утра в кабинете просидел. Газеты читал. Нога у него эта… Ох и мучается, бедный….

Энни вздохнула:

— А к Рождеству гостей ждут… Леди Маргарет приказала все к идеалу привести, а сама-то как с ее головой справится?

Упоминание про ногу зацепилось в памяти. Мужчина с тростью в коридоре… Видимо, это и есть он. Я осторожно вставила:

— Мистер Дэвид… это сын сэра Генри?

Энни обернулась ко мне с округлившимися глазами.

— Да вы что, мисс! Сынок-то их, ангелочек, еще в колыбели Богу душу отдал. Это племянник. Капитан Дэвид. С войны его, с Марны, комиссовали… Ногу там ему… Теперь он в доме сэра Генри живет, в газете своей пишет. Все о войне да о политике, — она махнула рукой, как бы отмахиваясь от тяжелых мыслей.

Вывод был прост: Дэвид – не сын. Раненый офицер, журналист. Посттравма налицо. А леди Маргарет… Ее лечение – первый ключ к боли. И к моему положению в доме.

С овсянкой в желудке и чаем, согревающим изнутри, я почувствовала прилив решимости. Пора было выполнять прямое поручение. С книгой в руках я вышла из кухонного ада и, вместо того чтобы подниматься наверх, пошла по коридору, ведущему в холл.

Тишина парадных комнат встретила меня после кухонного гама, как переход в другое измерение. Я помедлила на мгновение, слушая биение собственного сердца, а затем шагнула вперед, навстречу своей первой настоящей задаче в этом доме.

Глава 6. Незаметность и дедукция

Предрождественская подготовка была в разгаре. Воздух в холле пах хвоей: в углу, у высокой китайской вазы, лежала охапка свежесрубленных еловых веток для гирлянд. Их иглы, темно-зеленые и колючие, уже понемногу осыпались на отполированный паркет. За парадной тишиной, которую так ценила леди Маргарет, кипела скрытая от глаз работа.

Я двигалась по дому почти бесшумно, стараясь быть той самой «незаметной», но само пространство вокруг отзывалось на предпраздничную суету. Вспомнились слова Энни с кухни: «К Рождеству гостей ждут... Леди Маргарет приказала все к идеалу привести». Этот идеал создавался методично, веточка за веточкой, полировка за полировкой, превращая дом не просто в жилище, а в безупречную витрину.

Мне же нужна была библиотека. С книгой в руке, я нашла ее дверь рядом со столовой. Она была приоткрыта, пропуская слабую полоску света.

Я постучала костяшками пальцев по темному дереву.

— Войдите, — донеслось изнутри. Голос был глухим, усталым, и в нем не было вопроса.

Я вошла. Кабинет. Высокие дубовые полки до потолка, тяжелый письменный стол, заваленный бумагами, кожаные кресла. И у камина, в котором весело потрескивал огонь, сидел он. Дэвид.

Он сидел не в кресле, а на краю стула, опираясь обеими руками на трость. Не читал. Он смотрел в огонь. На столике рядом была смятая газета. Один угол ее свисал, и мой взгляд, скользнув мимоходом, уловил крупные заголовки, кричащие о зимней паузе: «МОРОЗ СКОВАЛ ФРОНТ», и черную подпись даты – Декабрь 1914. Его профиль в колеблющемся свете казался высеченным из камня: твердым и бесконечно усталым.

— Прошу прощения, — сказала я тихо. — Леди Маргарет попросила подобрать книгу для чтения.

Он медленно, словно с усилием, повернул голову. Его глаза, секунду назад пустые и смотрящие в никуда, поймали свет огня и вспыхнули холодным, ясным зеленым цветом. Они сфокусировались на мне. Усталость в них не исчезла, но поверх нее легла пленка холодного, живого любопытства. Он узнал меня.

— Вы, — произнес он. Не вопрос. Констатация. — Новая компаньонка. Мисс… Локвуд, кажется?

— Да, сэр, — ответила я.

Его взгляд скользнул по книге в моих руках.

— Уже приступили к обязанностям литературного критика? Моя тетя… леди Маргарет, — поправился он, и в этой поправке было что-то важное, — терпеть не может сентиментов. Особенно сейчас.

Его глаза на мгновение метнулись к смятой газете.

Я чуть приподняла бровь. Информация была ключевой. Наконец-то хоть какая-то путеводная нить в этом доме.

— Тогда спасибо за предупреждение, — сказала я искренне. — Значит, стоит поискать что-нибудь ясное. С крепким сюжетом.

Он помолчал, изучая мое лицо. Потом его взгляд снова упал на мои руки, сжимающие книгу. Руки Эмбер были тонкими, но не изящными, как у барышни. Пальцы длинные, чуткие. Руки, которые привыкли работать.

Неожиданно он приподнял свою трость и легонько ткнул ею в сторону нижней полки.

— Попробуйте «Этюд в багровых тонах» или «Знак четырех». Конан Дойл. Или «Путешествие на «Бигле» Дарвина, если хотите усыпить ее окончательно, — в его низком голосе дрогнула слабая ирония.

— Благодарю вас, — кивнула я и подошла к полке. Я чувствовала его взгляд у себя за спиной. Тяжелый, оценивающий.

Я нашла синий томик с золотым тиснением: «Этюд в багровых тонах». Вот уж нежданно: впервые у меня будет возможность перечитать Шерлока Холмса в оригинале и про викторианский Лондон всего лишь двадцатипятилетней давности, но для здешних людей это уже «добрые старые времена», а для меня, Ольги из будущего – вообще древность в квадрате, подумала я, и в душе на миг мелькнула странная, горьковатая радость. Взяла его. Когда обернулась, Дэвид все так же смотрел на меня.

— Я вас больше не побеспокою, капитан, — сказала я на прощание, намеренно употребив его титул.

Он вздрогнул, будто от щелчка. Его взгляд снова стал пустым, остекленевшим.

— Не беспокойтесь, — пробормотал он и отвернулся к огню.

В своей комнате на чердаке я разложила добычу: роман, выбранный леди Маргарет «Сердца в тумане», название которого уже вызывало тошноту, и «Этюд в багровых тонах». Я быстро пролистала первый. Слезливые признания, вздохи при лунном свете. Чистая сентиментальная отрава.

«Этюд» же был другим. Логика. Дедукция. Холодный ум, побеждающий хаос. Идеально.

Я села на кровать, зажгла лампу и начала читать про себя томик Конан Дойля, отрабатывая тембр, паузы. Это возвращало меня в привычную колею. В моей старой практике чтение вслух пациентам с тяжелыми травмами было частью терапии: ритм спокойного голоса помогал им отвлечься от боли, сосредоточиться, не терять связь с миром.

А в голове уже начал складываться план.

Питание леди Маргарет – самоубийство при мигрени. Нужно сменить тактику. Осторожно, под видом заботы. Риск. Но если сработает, то стану незаменимой.

Я представлю Шерлока Холмса. Это будет проверкой моего вкуса и ее готовности принять нестандартное.

Дэвид… Раненый солдат. Его хромота будила во мне профессиональный интерес, который надо было глушить. Не сейчас. Не лезь. Скомандовала я себе. Он был опасным наблюдателем. Пока.

Внизу, в доме, кипела жизнь, готовились к Рождеству, страдали от боли и воспоминаний. А здесь, на чердаке, я готовила свое первое наступление.

Глава 7. Первый маневр

Звонок к ланчу прозвенел снизу, чистый и ледяной, как сосулька.

Я сидела на кровати, сжимая в руках «Этюд в багровых тонах». Глаза бегали по строчкам, а мозг рисовал другую картинку. Ту самую, с кухонного стола. Поднос. Фарфоровая чашка. Пар от густого бульона. И пузырек с темной микстурой рядом, как страж у ворот ада.

Профессиональная ярость поднялась у меня в горле, горькая и знакомая. Та самая, что возникала, когда видишь, как коллега ставит идиотский диагноз или выписывает препараты, которые только усугубляют все. Только здесь не клиника и не медцентр. Здесь столовая в доме сэра Генри. И пациентка, которой сейчас подадут эту жирную пытку под видом заботы.

Расчеты, осторожность, хитрые планы – все это испарилось. Остался только холодный, четкий приказ самой себе: остановить это. Сейчас.

Я не думала о последствиях. Не успевала. Просто встала, поправила складки платья и вышла из комнаты. Ноги сами понесли меня вниз, мимо темных коридоров и скрипучих лестниц. Сердце колотилось где-то в висках, но руки не дрожали.

Дверь в столовую была приоткрыта. Я замерла на пороге, сканируя обстановку одним взглядом.

Большой дубовый стол, накрытый белой скатертью. Серебряные приборы, хрустальные бокалы. И густая, почти звенящая тишина.

Сэр Генри сидел во главе стола, погруженный в газету. Рядом леди Маргарет. Бледная, прямая, с той самой тонкой складкой боли между бровей. Перед ней стояла та самая чашка с бульоном. Пар поднимался от нее слабыми струйками.

Дэвид сидел напротив, отодвинув свою тарелку. Он не ел. Просто смотрел в окно, опираясь подбородком на сцепленные пальцы. Трость стояла прислоненной к его стулу.

Миссис Тернбулл стояла у буфета, неподвижная, как памятник. Ее глаза, холодные и оценивающие, скользнули по подносу, потом по леди Маргарет. Ждала. Ждала, когда та сделает первый глоток.

Служанка с пустым подносом уже поворачивалась к двери. Ритуал был запущен.

И вот тогда я вошла.

Не крадучись. Не исподтишка. Просто шагнула в дверной проем и остановилась. Звук моих шагов по паркету прозвучал громче, чем любой звонок.

Все взгляды устремились на меня.

Сэр Генри медленно опустил газету. Его глаза, цвета выдержанного коньяка, сузились на долю секунды. Ни удивления, ни гнева. Просто констатация: нарушение.

Леди Маргарет оторвала взгляд от чашки. Ее бледное лицо оставалось неподвижным, но в глубине глаз что-то дрогнуло. Не ожидала. Никого не ждала.

Дэвид повернул голову. Его отстраненность испарилась, сменившись живым, острым интересом. Он откинулся на спинку стула, приготовившись наблюдать.

А миссис Тернбулл… Если бы взгляды могли убивать, я бы уже лежала на полу с дымящейся дырой в груди. Ее лицо оставалось каменным, но в сжатых губах, в малейшем напряжении плеч читалась чистая, беспримесная ярость. Я ворвалась в ее идеальный ритуал. Нарушила порядок. Осквернила священнодействие.

Я сделала шаг вперед. Не к столу. Ровно столько, чтобы меня все видели и слышали.

— Прошу прощения, — сказала я. Голос прозвучал четко, без дрожи. — Леди Маргарет. Осмелюсь предложить… альтернативу.

Тишина в столовой стала еще гуще. Казалось, даже пар от бульона замер в воздухе.

Леди Маргарет медленно подняла бровь.

— Альтернативу? Моему ланчу, мисс Локвуд?

— Да, леди Маргарет, — я не опустила глаз. Смотрела прямо на нее, на эту складку боли между бровей, на легкую бледность вокруг губ. — При такой… пульсирующей боли, какая у вас сейчас читается во взгляде, наваристый бульон и жирные сливки – это чистая пытка для желудка. Он сожмется в спазме. Боль усилится. Потом микстура… она только притупит на час, но добавит тяжести. Получится замкнутый круг.

Я сделала крошечную паузу, давая словам осесть.

— У моего дяди были похожие приступы. Старая акушерка, что жила по соседству, советовала в такие дни только овсянку на воде, легкий овощной суп. И слабый чай с сухариком. Что-то совсем легкое, чтобы не нагружать. Боль отступала быстрее.

Столовая взорвалась тишиной. Тем особым густым молчанием, которое громче любого крика.

Леди Маргарет не двигалась. Ее пальцы, лежавшие на краю стола, слегка сжались. Она смотрела то на меня, то на свою чашку с бульоном. В ее глазах шла борьба: привычный ритуал страдания против дерзкого предложения облегчения. Гордость против отчаяния.

Сэр Генри отложил газету полностью. Положил ее рядом с тарелкой аккуратным прямоугольником. Его взгляд скользнул по жене, задержался на ее лице, потом вернулся ко мне. Он не просто смотрел. Он оценивал. Пересчитывал риски и выгоды в реальном времени. Его лицо ничего не выражало. Но я видела: он понял. Понял, что я не просто болтаю. Я поставила диагноз. Публично. И предложила лечение.

Дэвид тихо откашлялся. Не от смущения. Скорее, чтобы скрыть внезапную улыбку, которая дрогнула в уголках его губ. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Не служанку. Не компаньонку. А человека, который только что бросил вызов целой системе одним предложением овсянки.

А потом леди Маргарет кивнула. Один раз. Коротко и сухо.

— Пусть будет так, — сказала она тихо, но так, что каждое слово прозвучало отчетливо. — Овсянка. И чай. Без сливок.

Она отодвинула от себя чашку с бульоном. Легкий, едва слышный звук фарфора по скатерти прозвучал как выстрел.

Миссис Тернбулл замерла на месте. Казалось, она даже перестала дышать. Ее лицо побледнело, стало почти серым. Она смотрела на леди Маргарет с немым, беспомощным укором. Потом ее взгляд, тяжелый и обещающий, впился в меня.

— Как прикажете, леди Маргарет, — выдавила она наконец. Слова вышли из ее горла с трудом, будто ржавые гвозди.

Я сделала безупречный, неглубокий книксен: первый с момента моего появления здесь. Показала, что правила-то я знаю. Просто иногда их стоит нарушать.

— Благодарю вас, — сказала я леди Маргарет и, не дожидаясь дальнейших указаний, развернулась и вышла.

В коридоре меня накрыла волна адреналина. Ноги вдруг стали ватными, в ушах зазвенело. Я прислонилась к прохладной стене, пытаясь отдышаться.

Черт. Черт. Я только что сделала это. На глазах у всех. Объявила войну кухне, миссис Тернбулл и, вероятно, всему домашнему укладу. Ради тарелки овсянки.

Но это была не просто овсянка. Это был первый маневр. И, кажется, успешный.

Сверху донеслись шаги. Быстрые, тяжелые. Я оттолкнулась от стены и пошла прочь, не оборачиваясь. Не надо было показывать слабину. Не сейчас.

Вернувшись на чердак, я закрыла дверь и облокотилась на нее спиной. Комната показалась вдруг очень маленькой и очень тихой. Только стук сердца в висках и далекий гул голосов снизу.

Я подошла к столу, взяла «Этюд в багровых тонах». Корешок был гладким и твердым под пальцами.

Хорошо. Первый ход сделан. Теперь нужно закрепить успех. Чтение после полудня должно быть безупречным. Нужно показать, что этот взрыв был не случайностью. Что за ним стоит ум, который видит суть. Который умеет не только нарушать правила, но и предлагать лучшую игру.

Я открыла книгу на первой главе. Придвинула лампу ближе.

— Ну что ж, мистер Холмс, — прошептала я про себя. — Помогите мне теперь убедить их, что логика и дедукция – это не только для раскрытия преступлений. Иногда они просто помогают выжить.

Глава 8. Клин клином

Снизу прозвенел колокольчик к обеду для прислуги. Я вздрогнула и отложила книгу. В прошлый раз я опоздала на завтрак, и этого уже было достаточно, чтобы нажить себе лишних врагов на кухне. Сейчас не время провоцировать новые конфликты. Леди Маргарет ждала меня с книгой после полудня, но сначала нужно было поесть, чтобы хватило сил на чтение и на все, что последует за ним.

Кухня встретила меня молчанием. Густым, тяжелым, как тот самый бульон. Воздух дрожал от жара плиты и от чего-то еще: от невысказанной ярости.

Миссис Хьюз стояла у огромного медного котла и помешивала что-то так, будто хотела продырявить дно. Ее лицо было красно не только от жара.

— Овсянку! — внезапно рявкнула она в сторону Энни. — В обед! Для леди! Да я тридцать лет на этой кухне, а такого позора не видела!

Энни съежилась у стола, нарезая морковь тонкой соломкой. Она бросила на меня быстрый, испуганный взгляд.

— Но леди Маргарет сама велела, — прошептала она.

— Сама! — Миссис Хьюз швырнула ложку в раковину с таким звоном, что я вздрогнула. — Потому что умные глаза увидели! А мы-то, дуры, по старинке, на бульоне да на сливках ее травили!

Это была уже не просто злость. Это была профессиональная обида, горькая и острая. Ее пищу назвали ядом. Ее авторитет поставили под сомнение из-за какой-то девчонки с чердака.

Я молча подошла к столу. На нем уже стояла миска с простым овощным супом и ломоть хлеба. Еда для прислуги. Обычная, без изысков.

Я села и начала есть. Суп был пресным, но горячим. Хлеб черствым. Я ела медленно, чувствуя на себе взгляды. Миссис Хьюз не смотрела прямо, но ее спина, прямая и напряженная, кричала о ненависти. Энни украдкой поглядывала, в ее глазах было не злорадство, а любопытство. И, кажется, даже тень уважения.

Хорошо. Значит, врагов прибавилось. Теперь не только Тернбулл с ее каменным лицом, но и кухарка. Отлично. Просто прекрасно.

Я допила последнюю ложку супа и встала. Подошла к раковине, где в жестяном корыте плескалась остывшая мыльная вода. Промыла свою миску и ложку куском грубого, серого мыла, сполоснула под слабой струйкой холодной воды из крана и поставила на сушильную доску. Потом так же тщательно вымыла руки, вытерла их о край чистого полотенца. Пора было к леди Маргарет. К моему первому настоящему сеансу.

Выйдя из кухонного ада в тихий коридор для прислуги, я снова поднялась по скрипучей лестнице, свернула в другой переход и оказалась у знакомой двери в ее апартаменты. Сделала глубокий вдох и вошла.

В ее покоях пахло лавандой. Шторы были приспущены, пропуская только рассеянный зимний свет. Леди Маргарет сидела в кресле у камина. На столике рядом стояла чашка, но не та, утренняя, с густым бульоном. В этой был прозрачный, легкий, по всей видимости, куриный отвар. И лежал один-единственный сухарик. Рядом, в сторонке, стоял пузырек с микстурой. Крышечка была не сдвинута.

Я вошла и слегка поклонилась.

— Вы готовы, леди Маргарет?

Она кивнула. Ее лицо все еще было бледным, но складка между бровей казалась чуть менее глубокой. Или мне так хотелось думать.

— Начнем, — сказала она просто.

Я открыла «Этюд в багровых тонах» на первой главе и начала читать. Голосом, который натренировала за годы в клинике: ровным, четким, без лишних эмоций. Я делала паузы там, где нужно было дать мыслям соединиться, и чуть ускорялась, когда логическая цепочка смыкалась. Никаких сентиментов. Только факты, улики, выводы.

Через двадцать минут леди Маргарет подняла руку.

— Довольно, мисс Локвуд.

Я замолчала, прикрыла книгу.

— Вы читаете... непривычно, — сказала она. — Без всхлипов. Без придыханий. Мне нравится.

Я кивнула, ждала продолжения.

— Но выбор... «Этюд в багровых тонах». Почему? Вы считаете, детективная история – подходящее чтение для больной женщины?

Вопрос был не праздный. В нем был вызов.

Я положила книгу на стол и посмотрела на нее прямо.

— Я считаю, леди Маргарет, что когда собственная голова – источник хаоса и боли, полезно наблюдать, как чужой, блестящий ум наводит порядок в этом хаосе. Здесь нет тумана чувств. Нет слез. Есть факт. Улика. Вывод. Это... успокаивает. Дает иллюзию контроля. И отвлекает не на переживания, а на решение головоломки.

Она не ответила сразу. Ее взгляд стал пристальным, изучающим. Она поняла. Это был не просто ответ о книге. Это была замаскированная рекомендация. Терапия.

— Вы говорили утром о спазме... в шее, — наконец произнесла она. — Это часть того самого «хаоса»?

— Чаще всего, да. Напряжение копится здесь, — я осторожно провела пальцем по своей ключице. — И здесь, — коснулась основания черепа. — Мышцы зажимаются, как капкан. Пережимают сосуды. И боль усиливается.

Она молчала, ждала.

Я сделала глубокий вдох. Рискованный шаг.

— Мой дядя... от той же акушерки, что советовала овсянку, я научилась простому приему. Разминать эти мышцы. Снимать спазм. Это помогало: боль отступала хоть на время, — я сделала маленькую паузу. — С вашего разрешения, леди Маргарет... я могу показать?

Она посмотрела на меня долгим, непроницаемым взглядом. Потом медленно кивнула.

— Покажите.

Я подошла. Встала сзади ее кресла.

— Сначала просто расслабьтесь. Дышите ровно.

Ее плечи были напряжены, как струны. Я положила кончики пальцев на основание ее черепа, там, где мышцы крепятся к кости. Нашла узлы напряжения: твердые, как камешки. И начала работать.

Движения были точными, уверенными. Не грубыми, но настойчивыми. Я не просто мяла мышцы, как тесто. Я нащупывала самые твердые, спазмированные участки и медленно, плавным надавливанием заставляла их «отпускать», разглаживать эту застывшую, болезненную волну.

Принцип был прост: найти зажим и мягко, но неотступно его расслабить, пока мышца не вспомнит свое естественное состояние. Это была базовая техника, адаптированная под возможности эпохи и под прикрытием «знаний старой акушерки».

Сначала леди Маргарет оставалась неподвижной. Потом, под давлением пальцев, ее мышцы начали сдаваться. Раздался легкий, едва слышный хруст: не позвоночника, а скорее, связок, отпускающих длительное напряжение. Она непроизвольно вздохнула: глубоко, с облегчением.

— Вот видите, — тихо сказала я, продолжая работать. — Эти мышцы зажимаются от постоянного стресса, от боли. Они создают петлю: боль вызывает спазм, спазм усиливает боль. Если разорвать эту петлю здесь, в самом начале, можно предотвратить самый сильный приступ. Я могу научить вашу горничную этим приемам. Или вы сами сможете, это несложно.

Я закончила, аккуратно убрав руки. Отступила на шаг.

Леди Маргарет медленно повернула голову из стороны в сторону. Ее движения были более свободными. Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза на секунду. Боль, конечно, не исчезла: мигрень так просто не отпускает. Но то тяжелое, гнетущее напряжение, камень на плечах, отступило.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. Уже не как на инструмент. Не как на удобную диковинку. А как на редкую, неожиданную находку.

— Вы... не перестаете удивлять, мисс Локвуд, — произнесла она тихо. — Буду ждать продолжения завтра. И.. — она сделала небольшую паузу, — спасибо.

Спасибо. Первое личное слово. Не формальная благодарность хозяйки служанке. А простое человеческое «спасибо».

Я поклонилась, взяла книгу.

— До завтра, леди Маргарет.

Я вышла в коридор, ощущая странную смесь усталости и осторожной победы. Адреналин улегся, оставив после себя холодную, ясную собранность. Получилось. Первый шаг сделан. Теперь нужно закреплять.

И тут тень у двери шевельнулась.

Миссис Тернбулл стояла там, как воплощение немой угрозы. Ее лицо было бесстрастным, но глаза горели холодным, неукротимым огнем. Она смотрела на меня так, будто я была пятном на безупречной скатерти, которое нужно немедленно вывести.

— Мисс Локвуд, — произнесла она, и каждый слог звучал как удар молотка по льду. — Сэр Генри просит вас к себе в кабинет. Немедленно.

В ее интонации читалось все: «Твоя самодеятельность окончена. Сейчас тебя поставят на место. Или вышвырнут».

Я просто кивнула. Страха не было. Был только холодный, аналитический интерес. Кабинет. Значит, оценка активов. Пересмотр условий сделки. Отлично. Посмотрим, сколько я стою теперь.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Я готова.

И пошла за ней, оставляя за спиной теплый свет покоев леди Маргарет и устремляясь навстречу новой, неизвестной игре.

Глава 9. Кабинет сэра Генри

Тернбулл шла впереди, и каждый ее шаг отдавался в моих висках. Не то чтобы она стучала каблуками, нет, она двигалась почти бесшумно, как кошка. Но спина у нее была такая прямая, такой торжествующе-негнущейся, что казалось, вот сейчас она обернется и скажет: «Я же предупреждала. Теперь тебя вышвырнут».

Кабинет сэра Генри оказался на втором этаже, в противоположном от спален крыле. Дверь была тяжелой, из темного дуба. Тернбулл постучала один раз, коротко и сухо, и тут же, не дожидаясь ответа, толкнула ее.

— Мисс Локвуд, сэр.

Она сделала шаг в сторону, пропуская меня внутрь, и тут же отступила, растворившись в коридоре. Дверь закрылась с тихим, но четким щелчком. Я осталась одна, точнее, не совсем одна.

Кабинет пах не лавандой, как покои леди Маргарет. Здесь запах был другим: старые книги, дорогая кожа, табак и едва уловимый, но стойкий шлейф машинного масла. Как будто сам воздух пропитался железом и деловитостью. Стены были заставлены дубовыми полками до потолка. На них не фарфоровые безделушки, а толстые фолианты, папки с бумагами, свернутые в трубки чертежи. Посреди комнаты огромный письменный стол, заваленный документами, счетами, карандашами. На стене карта с какими-то пометками, вероятно, маршруты поставок для завода.

Сэр Генри стоял у камина спиной ко мне. Он не оборачивался, давая мне время осмотреться и собраться с мыслями. Я замерла на пороге. Это была не гостиная и не будуар. Это был командный пункт. Место, где принимают решения, а не ведут светские беседы.

Наконец он медленно повернулся. Его лицо было все тем же гранитным маскарадом, но глаза... В них не было прежней отстраненной оценки «актива». Теперь он смотрел на меня как на проблему. Неприятную, неожиданную, но требующую немедленного решения.

— Подойдите, мисс Локвуд.

Я сделала несколько шагов вперед, остановившись на почтительном расстоянии от стола. Он не предложил сесть.

— Вы оказали на мою жену сегодня большое влияние, — начал он. Голос был ровным, без интонаций. — Неожиданное. Расскажите еще раз о вашем дяде. О его болезни. В деталях.

Внутри что-то екнуло. Допрос. Не просто разговор. Проверка.

— У него болела голова, сэр. Сильно. Как у леди Маргарет, — начала я, стараясь говорить спокойно. — Спазмы в шее, тошнота. Я ухаживала за ним.

— Любопытно, — перебил он. — Мои люди навели справки. Джозеф Локвуд, столяр. Известен в квартале двумя вещами: качественными стульями и страстью к картам. Записи лекаря за последние пять лет пусты. Ни одной консультации. Объясните.

Лед пробежал по спине. Он проверял. Естественно. Я должна была ожидать.

— Он не доверял врачам, сэр. Говорил, что они только деньги тянут.

— Акушерка, — продолжил он, не отрывая от меня взгляда. — Миссис...? В каком приходе? Как звали?

Я запнулась. В памяти Эмбер не было никакой акушерки. Это была моя выдумка, отчаянная попытка прикрыться «народной мудростью».

— Я.. не помню имени. Она была уже старая, жила на окраине...

— Вы утверждаете, — его голос стал тише, отчего каждое слово прозвучало еще отчетливей, — что всему научились, ухаживая за несуществующей болезнью родственника, у несуществующей старухи?

Он сделал паузу, давая этим словам повиснуть в воздухе.

— Вы считаете меня идиотом, мисс Локвуд?

В камине треснуло полено. Искры взметнулись вверх.

— Кто вы такая? — спросил он наконец. Не с гневом. С холодным, смертельно опасным любопытством.

Я вдохнула. Выдохнула. Мозг лихорадочно просеивал варианты. Оправдываться? Лгать дальше? Он уже раскусил легенду.

И тогда я посмотрела ему прямо в глаза. Моими. Серо-зелеными, с крапинками. Не глазами испуганной девчонки Эмбер. Глазами Ольги.

— Вы владелец завода, — сказала я тихо, но четко. — Вы видите не готовое изделие, а его функцию. Его пользу. Вы проверяете не биографию станка, а точность его работы.

Он не моргнул, но брови чуть приподнялись.

— Я предлагаю вам тот же принцип. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Спросите: работает ли это. Сегодня леди Маргарет, вероятно, впервые за долгое время не допила обезболивающее и съела обед без мучений. Это факт.

— Факт, который не отменяет моего вопроса, — парировал он. — Женщина с вашими... навыками. В вашем положении. И в вашем возрасте. Это не просто странно, мисс Локвуд. Это подозрительно. Вы понимаете, что значит для женщины заявить о медицинских познаниях? В нашем мире?

Он сделал шаг вперед, и его тень накрыла меня.

— Вы хоть представляете, через что приходится пройти женщине, чтобы ее допустили до знаний? Чтобы ее не назвали шарлатанкой, аморальной особой или, того хуже, истеричкой, возомнившей о себе? — его голос приобрел жесткие, металлические нотки. — Есть Лондонская школа для женщин. Основана, чтобы давать им хоть какое-то образование. И знаете, что о ней говорят в приличных домах? Что это приют для неудачниц и синих чулков, которые забыли свое место. Что женщина-врач – это противоестественно. Что ее руки, прикасающиеся к мужчине не как к любовнику, а как к пациенту... это безнравственно. Да неважно, к кому именно: мужчине или женщине. Что ее ум, способный ставить диагноз, – угроза самому порядку вещей.

Он смотрел на меня, словно пытался разглядеть в моем лице подтверждение своим словам.

— А вы... вы появляетесь из борделя. И с первой же минуты смотрите на мою жену как врач на пациента. Вы трогаете ее, делаете ей массаж. Знаете, что в ином контексте такой массаж считается чувственным, греховным действом? — он сделал паузу, давая мне осознать вес этих слов.

«Массаж. Значит, Тернбулл. Она подсмотрела за дверью и тут же побежала с докладом. Не могла удержаться. И, конечно, подала это в самом грязном свете. Чувственное действо... Да я ей спазм снимала!» — пронеслось в голове молнией.

Он медленно прошелся перед камином, не сводя с меня ледяного взгляда.

— Вы говорите, вас взяли в «Серебряные Колокольчики» недавно. Что вы были... новенькой. Необученной. Но ваш массаж – это не интуиция испуганной девушки. Это методика. Целенаправленные, уверенные движения. Так не учатся за один день.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Он вел к чему-то, и я боялась понять, к чему именно.

— И вот что мне интересно, мисс Локвуд, — его голос стал тише, почти интимным, отчего стало еще страшнее. — Где и на ком вы приобрели этот специфический навык? У проституток ведь есть своя... специализация. Одни просто лежат. Другие умеют работать руками. Чтобы доставлять удовольствие мужчинам. Чтобы снимать напряжение, но совсем иного рода. И это умение высоко ценится в определенных кругах. Гораздо выше, чем невинность.

Он остановился прямо напротив меня. Я видела каждую морщинку у его глаз, каждый отблеск огня в темных зрачках.

— Эти знания, эта уверенность в прикосновениях... Они говорят об обратном. Они намекают, что вы уже давно в этом ремесле. Что ваша «невинность» была лишь товарной уловкой мадам Лизет, чтобы взвинтить цену. Так кто же вы на самом деле? Опытная куртизанка, притворявшаяся невинной? Или... что-то еще более странное?

«Так вот куда он клонит, — с ледяной ясностью осенило меня. — Он думает, что я не жертва. Что я профессионалка. Что я годами работала в борделях, а теперь притворяюсь неопытной девушкой, чтобы втереться в доверие. Или... или он чувствует, что правда еще страннее. Но эту правду я не могу ему сказать. Никогда».

Я стояла, сжав кулаки под складками платья. Он бил точно в цель. В мое самое уязвимое место: в профессию, которую я не могла назвать, в знания, которые не могла объяснить, не раскрыв себя полностью.

Но отступать было некуда.

— Я понимаю, — сказала я, и голос мой прозвучал тверже, чем я ожидала. — И вы правы в одном: такому массажу не учатся за один день. Но вы ошибаетесь в другом. Я никогда не лежала в «Серебряных Колокольчиках». И ни в каких других. И мои руки никогда не снимали того «напряжения», о котором вы говорите. Если бы они это умели, — я выдержала его взгляд, — разве я оказалась бы там в роли товара, который чуть не испортили?

Я сделала маленькую паузу, давая ему взвесить логику.

— Но да. Эти руки умеют работать. Они умеют находить боль и зажимы. Так учатся, когда другой возможности помочь близкому человеку просто нет. Я не врач. Я просто... помогаю. Как могу. Знания, которые я применяю, не требуют диплома. Они требуют лишь наблюдательности и желания облегчить страдание. И они работают.

Он молчал, изучая меня. В его взгляде шла борьба. Прагматик в нем оценивал пользу. Консерватор видел угрозу.

— Вы мастерски распознаете людей, сэр Генри, — продолжала я, делая последнюю, отчаянную ставку. — Распознайте во мне сейчас не вчерашнюю проблему, а сегодняшний... инструмент. Не самый обычный, требующий осторожного обращения, но эффективный. И спросите себя: стоит ли ломать единственный инструмент, который наконец-то дал вашей жене облегчение, только потому, что на его рукоятке нет знакомого клейма?

Тишина в кабинете стала густой, почти осязаемой. Сэр Генри отвел взгляд, посмотрел на огонь в камине. Его пальцы слегка постукивали по крышке карманных часов.

— Вы остаетесь, — произнес он наконец, оборачиваясь ко мне. — Вы продолжаете делать то, что делаете для леди Маргарет. Но...

Он подошел к столу, уперся в него руками.

— Ваши «методы» – только для нее. Никаких советов на кухне. Никаких вмешательств в дела прислуги, в распорядок дома. Вы контактируете только с ней и с миссис Тернбулл по необходимости. Вы поняли?

Я кивнула, не разжимая губ.

— И, мисс Локвуд... — он поднял на меня взгляд, и в его глазах я увидела не угрозу, а холодное предупреждение. — Ваш «инструмент» будет под наблюдением. Первый же сбой, первая же ложь, вышедшая за стены этой комнаты, и он будет утилизирован. Без сожалений. Наш разговор окончен.

Он отвернулся, давая понять, что аудиенция закончена. Я поклонилась – не книксен, а просто короткий наклон головы – и вышла.

В коридоре было пусто. Тернбулл исчезла. Я пошла к черной лестнице, чувствуя, как ноги слегка подкашиваются. Не от страха. От колоссального напряжения.

Он не поверил мне. Но он оставил меня. Потому что я полезна. Потому что я – «инструмент». Хрупкий, опасный, но пока что единственный, который работает.

Поднимаясь на чердак, я услышала снизу шум: скрип парадной двери, голоса. Выглянув в узкое служебное окно на лестничной площадке, я увидела, как к дому подъезжает автомобиль. Из него вышел пожилой мужчина в строгом костюме, с медицинским саквояжем в руке.

Доктор. Наверняка, их семейный врач.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Игра становилась все сложнее. Теперь мне нужно было не просто помогать леди Маргарет. Нужно было делать это так, чтобы не наступить на мозоли официальной медицине. Чтобы мое «знахарство» не бросило тень на репутацию дома. Чтобы сэр Генри не пожалел о своем решении.

«Хорошо, — подумала я, глядя, как доктор скрывается за парадной дверью. — Значит, играем дальше. Но теперь я знаю цену своего слова. И свою цену в этом доме... стала немного выше».

Я повернулась и пошла наверх, в свою маленькую крепость на чердаке. Завтра будет новый день. Новые сеансы чтения. Новые попытки облегчить боль. И новые риски.

Но я была жива. Я была здесь. И у меня все еще были мои глаза, мой ум и моя ярость. Пока этого хватало.

Глава 10. Утренняя ловушка

Я проснулась от тишины. Открыла глаза. В комнате кромешная, густая тьма, будто тебя закопали в угольный мешок. Ни полоски света в окне, ни шороха за дверью.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я резко села на кровати.

Какой час? В комнатах прислуги часов не полагалось. Они тикали только в холле, в кабинетах и апартаментах хозяев. Единственным будильником для таких, как я, были шаги экономки, утренний звонок с кухни или, в лучшем случае, первый луч в окне. А в окне – чернота.

Я проспала? Меня забыли? Или не стали будить нарочно?

В темноте нащупала спички на полке над камином. Чиркнула. Вспышка ослепила. Зажгла лампу. Огонь заколебался, отбросил на стены пляшущие тени. Я подбежала к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. На улице ни огонька. Темно и глухо.

Где-то далеко, в парадной части дома, пробили часы. Пять ударов. Ровных, тягучих. Пять утра. Значит, до обычного утреннего зова еще часа два. Это не просто рано. Это издевательство.

Села на кровать, кутаясь в одеяло. Вчерашний разговор с сэром Генри полез в голову сам, без спроса.

«Ваш инструмент будет под наблюдением. Первый же сбой… будет утилизирован».

Инструмент. Слово, которое я сама ему и подсунула, чтобы он меня понял. И ведь понял, черт возьми. Принял в работу. С одной стороны – оскорбительно до зубного скрежета. Я не станок, не отвертка. Я – человек. Вернее, была им. Там, в другом мире.

С другой – честно. Без дураков. Я здесь не человек. Я – функция. Снять головную боль у леди Маргарет. Пока я полезна и эту функцию исправно выполняю – жива. Сломаюсь – на свалку. Все по-взрослому.

Но полезна кому именно? Леди Маргарет, которой я реально могу помочь? Или ему, сэру Генри, чтобы жена не ныла, не портила вид за обеденным столом, не трепала нервы и не мешала вести дела? Разница принципиальная. В первом случае у меня есть хоть какая-то миссия. Во втором – я просто смазка в механизме его комфорта.

Вдруг за дверью послышались шаги. Быстрые, четкие. Знакомый стук каблуков, который не спутаешь ни с чьими другими.

Я вскочила, натянула платье поверх сорочки, наспех поправила волосы. Еще не успела застегнуть все пуговицы, как дверь открылась.

Миссис Тернбулл стояла на пороге, как всегда, в своем темном строгом платье, с лицом из гранита. В руке держала лампу. Свет падал снизу, делая ее черты еще жестче. Она была уже полностью одета, причесана, будто и не ложилась.

— Леди Маргарет просит вас к себе, — сказала она без предисловий. — Сейчас.

— Сейчас? — переспросила я, глядя в черное окно. — Но…

— Леди Маргарет плохо спала. Она желает вашего присутствия, — отрезала экономка, и в ее голосе прозвучала тонкая, едкая нотка удовольствия. — Ждете в коридоре у ее дверей. Без стука. Как позовет – войдете.

Она развернулась и ушла, оставив меня в полумраке с не застегнутым платьем и путаными мыслями.

Плохо спала. Значит, боль вернулась. Или просто каприз? Или это часть игры: вызвать в такую рань, чтобы проверить на покорность?

Я застегнула платье на все пуговицы, накинула поверх него простую шаль, нашла в темноте свои грубые ботинки. Потушила лампу и вышла в коридор.

Холодный, промозглый воздух ударил в лицо. Единственным светом в черной пустоте служебного коридора был тусклый газовый рожок у дальней лестницы. Я спустилась на этаж

ниже по скрипучим, обледеневшим от сырости ступеням, прошла по длинному переходу с голыми стенами, где слышался лишь вой ветра в вентиляционной шахте. Наконец свернула в более широкий, ковровый коридор: уже парадную часть дома. Здесь пахло воском и сонным покоем.

Проходя мимо ряда закрытых дверей, я невольно подумала: в этом огромном, трехэтажном доме спят, по сути, всего три человека. Сэр Генри, леди Маргарет, капитан Дэвид. Все остальное пространство — холлы, гостиные, библиотека, будуары, столовые — существовало для них, для их образа жизни, для их приемов. А чердак и нижние этажи кишмя кишели нами, прислугой, чтобы этот образ жизни поддерживать. Такая простая, дикая арифметика власти.

Я прижалась спиной к прохладной, гладкой стене у массивных дверей апартаментов леди Маргарет. Внутри было тихо. Глухо, как в склепе. Ни голоса, ни шагов, ни звука передвигаемого стула. Тепло из спальни, если оно и было, не просачивалось сквозь толстую дверь. Я стояла в полосе ночного холода, что всегда скапливается в коридорах, даже самых богатых домов.

Я стояла. Минуту. Две. Пять. Ноги начали затекать, а в плечах скопилось знакомое напряжение от неподвижности. Ждать, уткнувшись в стену, не имело смысла. Я заставила себя отойти и начала медленно расхаживать взад-вперед по ковру перед дверью. Тихие шаги, почти беззвучные, но движение разгоняло кровь и не давало мыслям совсем закоченеть. Я прислушивалась к каждому шороху из-за двери. Ничего.

Мысли снова полезли к сэру Генри. К его холодным глазам. К его словам про «чувственный массаж». Значит, Тернбулл подсмотрела. И доложила. Исказив все, как только могла.

Что, если леди Маргарет спит, а эта каменная баба просто решила помучить меня стоянием в холоде? Проверить, сломаюсь ли я, уйду ли?

Но уйти я не могла. Приказ – ждать. Нарушишь – будешь виновата.

Я ходила. Небольшими кругами. Слушала, как где-то в глубине дома начинается его утренняя жизнь: скрип половицы, дальний звон посуды. Смотрела, как слабый свет газового рожка в конце коридора постепенно тускнеет в наступающем рассвете. Думала о теплой овсянке, о чае. О том, что сейчас на кухне, наверное, уже ставят большой чайник. А я здесь, как тень на чужом празднике.

Часы пробили семь... За высокими окнами серый свет окончательно победил ночь. В коридоре наконец потянуло слабым, сухим теплом откуда-то из-под пола: паровое отопление проснулось вместе с домом.

Я все ходила, уже почти на автомате, просто чтобы не остановиться. Главное было – не присесть. Сядешь и уснешь, и мышцы потом не разогнешь.

И вот, когда за окном окончательно рассвело, из-за двери раздался четкий, негромкий звонок колокольчика. Тот самый, которого я ждала все эти томительные часы.

Я остановилась, расправила затекшие плечи. Почти в тот же миг из дальнего конца коридора появилась Мери, горничная леди Маргарет. Она несла кувшин, и, увидев меня, замедлила шаг, ее глаза округлились от чистого, неподдельного удивления.

— Мисс Локвуд? Вы... вас тоже звали?

— Мне сказали ждать, — коротко ответила я, не вдаваясь в объяснения. Звонок леди был четок и не терпел промедления. Я шагнула за Мери внутрь.

В спальне было тепло. Леди Маргарет полусидела в кровати, опираясь на подушки. На ней был кружевной чепчик, а поверх плеч накинута шаль. Она выглядела бледной, но отдохнувшей, без признаков острой боли. Увидев меня, ее брови слегка приподнялись.

— Мисс Локвуд, — произнесла она. — Вы ранняя пташка. Я еще не звонила для вас.

Глава 11. Невидимый фронт

В ее голосе не было недовольства, лишь легкое недоумение. Но мне этого было достаточно. Ледяная ясность накрыла с головой. Так и есть. Тернбулл. Просто подлая, мелкая пакость, чтобы вымотать меня до начала дня. Я проглотила ком горечи и злости, собравшись.

Жаловаться значило бы раскрыть свои карты и втянуть леди Маргарет в мелкую склоку. Вместо этого я увидела перед собой чистый лист и решила написать на нем нужную мне версию.

Я слегка наклонила голову, изобразив легкую, почти деловую озабоченность.

— Прошу прощения, леди Маргарет. После вчерашнего разговора о вашем недомогании я подумала… вдруг ночь прошла тяжело, и я могу понадобиться раньше обычного. Решила быть поблизости, на всякий случай.

Я сказала это ровно, без заискивания. Не «меня послали», а «я решила». Не жертва обстоятельств, а активный помощник, готовый предугадать потребности. Она не знала, что я стою здесь с пяти утра. Для нее я могла появиться у двери за пять минут до ее звонка. И эту иллюзию я и поддерживала.

Леди Маргарет несколько секунд молча смотрела на меня. Ее взгляд был проницательным, сканирующим. Она не знала всей правды, но, будучи неглупой женщиной, не могла не видеть моей бледности и тени усталости в глазах. «Быть поблизости» – звучало слишком скромно для такой измотанности. Но в моих словах не было ни тени оправданий, ни попытки свалить вину. Была только демонстрация готовности служить, пусть и несколько экстремальная.

Уголок ее рта дрогнул. Не улыбка. Скорее, тень понимания. Понимания того, что перед ней не просто услужливая девушка, а человек, который умеет играть в сложные игры и предпочитает делать это, не пачкая рук.

— Чрезмерное усердие, мисс Локвуд, — произнесла она наконец, и в ее тоне появилась легкая, сухая нота, которую можно было принять за одобрение. — Но раз уж вы здесь, будьте полезны. Помогите Мери. А затем останетесь. Мне нужно обсудить с вами меню на сегодня.

Она повернулась к горничной, отдавая тихие распоряжения.

Я кивнула, готовая помочь. В плечах все еще ныло, но внутри, под слоем усталости, теплилась слабая, но упрямая искра. Не надежда. Скорее, холодное удовлетворение от того, что я сама, без чьей-либо помощи, переиграла эту утреннюю ловушку.

Пока Мери возилась с волосами леди, я подавала шпильки, наблюдая за ее лицом в зеркале. Складка между бровей почти исчезла. Значит, ночь прошла сравнительно спокойно. Хорошо. Значит, мой вчерашний совет сработал хоть немного.

Когда леди была почти готова, раздался еще один звонок: уже для завтрака. Мери поспешно удалилась, а леди Маргарет направилась к столику у камина, кивком приглашая меня следовать. Я почувствовала, как начинаю окончательно оттаивать от тепла, идущего от камина и скрытых где-то в стенах паровых труб.

Мы ждали недолго. Мери вернулась с подносом, аккуратно поставила его на столик и удалилась. На подносе стояла чашка с чаем, два подсушенных тоста на тарелке и маленькая фарфоровая вазочка с мармеладом. Но леди Маргарет к еде не притронулась. Вместо этого она повернулась ко мне.

— Мисс Локвуд, — сказала она, глядя на меня. — Подойдите. Оцените, пожалуйста. С учетом вчерашнего… совета.

Я подошла, взглянула на поднос. Чай некрепкий, светлый. Тосты подсушенные, без масла. Никаких сливок, никакого густого бульона.

— Идеально, леди Маргарет, — ответила я искренне. — Легко, нежирно. Желудок не потревожит.

Она кивнула, наконец взяла чашку и сделала маленький глоток.

— Вчера вечером был доктор Шоу. Эдмунд Шоу, — сказала она негромко, отставляя чашку. — Семейный. Он отметил, что я выгляжу… менее страдающей. Спросил, что изменилось. Я сказала, что пересмотрела диету. Но не упомянула, чей это был совет.

Она посмотрела на меня. Взгляд был прямой, открытый.

— Я подумала, что вам будет спокойнее, если ваше имя останется в стороне. Пока.

Я почувствовала, как что-то внутри разжимается. Неожиданное облегчение.

— Благодарю вас, леди Маргарет. Искренне.

Она махнула рукой, как бы отмахиваясь от благодарностей.

— Теперь, раз уж мы начали, нужно продолжать, — сказала она деловито. — Я хочу посоветоваться с вами насчет диеты в целом. Что мне есть на ланч? На обед? На ужин? Составьте мне меню на сегодня. Прямо сейчас.

Она указала на стул напротив.

Я села, немного ошеломленная. Она говорила не как капризная больная, а как командир, разрабатывающий стратегию. Мне это нравилось.

— Хорошо, — сказала я, собираясь с мыслями. — На ланч легкий овощной суп, без жира. Или протертая отварная рыба. На обед – куриная грудка на пару, тушеные овощи. На ужин – овсянка на воде или яйцо всмятку. Все маленькими порциями. И много жидкости: вода, слабый чай.

Она слушала, кивая. Потом протянула мне лист бумаги и карандаш, лежавшие на столике.

— Запишите. Подробно.

Я стала писать. Аккуратным, четким почерком, которым когда-то выводила в историях болезни, только на русском. А эти слова на английском ложились на бумагу сами, без малейшего усилия, будто всегда ждали своего часа. Рука Эмбер Локвуд знала этот язык безупречно. И я, Ольга, лишь наблюдала изнутри, как чужая мышечная память управляет моими пальцами, выводя английские буквы.

Леди Маргарет наблюдала за моими руками, за тем, как уверенно ложатся строчки, и, казалось, ее взгляд становился чуть острее. Когда список был готов, она взяла его, прочитала и позвонила в маленький серебряный колокольчик.

Через минуту в комнату вошла миссис Тернбулл. Ее лицо было, как всегда, непроницаемым.

— Леди Маргарет? — произнесла она.

— Передайте это миссис Хьюз, — сказала леди Маргарет, протягивая список. — Мое меню на сегодня. Чтобы готовили строго по нему. Без отклонений.

Тернбулл взяла бумагу. Ее глаза пробежали по строчкам. Губы слегка поджались. Но она ничего не сказала. Просто кивнула.

— Как прикажете.

И вышла, держа список, как держали бы улику. Леди Маргарет вздохнула, когда дверь закрылась.

— Теперь, — сказала она, возвращаясь к чаю, — займемся почтой. На столе у окна. Принесите.

Я принесла небольшую стопку конвертов, визитных карточек, открыток. Мы сели рядом. Она диктовала ответы на несколько писем: короткие, вежливые, деловитые. Я записывала.

В процессе заговорили о предстоящем Рождестве.

— Ужин будет небольшим, но обязательным, — говорила леди Маргарет, сортируя приглашения. — Сэр Генри пригласит мистера Артура Брэдли из министерства и полковника

Честертона. С женами, разумеется. Полковник в отставке, ветеран кампании в Южной Африке. Человек жесткий, но сэр Генри ценит его связи. И мистер Дэвид, конечно.

Она положила визитку полковника в стопку, ее взгляд на мгновение стал отстраненным.

— Вы же уже видели Дэвида. Его состояние... — она сделала небольшую паузу, подбирая слова, — не может остаться незамеченным.

— Да, леди Маргарет, — тихо подтвердила я, перестав писать. — Мне... жаль.

Это была не совсем ложь. Мне было жаль как врачу, как человеку, который понимает цену такой травмы.

— Жалость – это то, чего он терпеть не может, — сухо заметила она, и ее голос приобрел тот же ровный, бесцветный тон, будто она диктовала справку. — Капитан Дэвид Келси. Племянник моего мужа. Блестяще начал: Оксфорд, военная академия. А потом… Марна. Пуля снайпера раздробила колено. Врачи кое-как собрали, но ходить нормально не сможет никогда. Его комиссовали не только по ранению. Официально – по солдатскому сердцу. Нервное истощение. Теперь он живет здесь, пишет для «Таймс» колонки о войне. Очень язвительные, я слышала. Сэр Генри находит это полезным для репутации: боевой офицер в доме, патриотические статьи. А он… — она слегка сморщилась, — он просто не может писать ни о чем другом. Как будто его перо тоже застряло в окопах. Иногда кажется, что он так и не вернулся оттуда. Не полностью. Тело здесь, а взгляд... все там.

В ее голосе не было ни капли сентиментальной жалости. Была холодная, усталая констатация факта: в ее безупречном доме поселилась человеческая поломка, которую нельзя выставить на улицу, но и нельзя спрятать в чулане. Это был еще один хронический симптом в ее жизни, как мигрени.

Я не вмешивалась. Просто слушала, фиксировала. В моей памяти, памяти Ольги, всплывали термины: «контузия», «посттравматическое стрессовое расстройство». Диагнозы, для которых в этом мире еще не было ни названия, ни лечения. Только отчаяние и язвительные статьи в газете.

Это была информация иного порядка, нежели кухонные сплетни. Это была социальная и медицинская карта, выданная мне в руки самой хозяйкой дома. И ключ к еще одной двери в этом лабиринте, которую, возможно, однажды придется открыть.

Утренний прием закончился, когда за окном окончательно рассвело.

— После ланча мы с вами совершим пару визитов, — объявила леди Маргарет, откидываясь в кресле. — Вам понадобится приличное платье. Миссис Тернбулл подготовит. А пока вы свободны. До ланча.

Я поклонилась и вышла.

Свободна. Наконец-то. И первым делом – еда. Желудок сводило от голода.

Я спустилась на кухню, надеясь на горячую овсянку и чай. Но кухня встретила меня тишиной. Миссис Хьюз стояла у плиты, спиной ко мне. Энни что-то мыла в тазу.

— Доброе утро, — сказала я.

Миссис Хьюз не обернулась. Только мотнула головой в сторону стола.

— Ваше там.

На краю стола стояла миска. В ней серая, холодная, застывшая овсянка. Рядом кружка с темным, остывшим чаем. И ломоть черствого хлеба.

Я дотронулась до миски. Холодная. Значит, поставили давно. Еще до моего прихода. Намеренно.

Я посмотрела на спину миссис Хьюз. Она стояла у плиты, не оборачиваясь, и что-то тихо, но отчетливо объясняла Энни, что-то про чистку рыбы. Ее спина была прямым, непререкаемым барьером. Ни взгляда, ни слова, ни малейшего движения в мою сторону. Я для нее просто перестала существовать в этом пространстве: вот самое изощренное наказание на ее кухне.

Я не стала ничего говорить. Просто взяла миску и кружку и пошла в свою комнату.

По дороге встретила мальчишку-подручного. Он нес корзину с углем. Увидев меня, он смущенно потупился и юркнул в боковую дверь.

Я поднялась на чердак, поставила холодную еду на стол и вздохнула. Ладно. Холодная овсянка – не смертельно. Съем, что есть.

Но это оказалось не все.

Я подошла к камину, чтобы растопить его, пока ем. В корзине для дров лежали поленья. Я взяла одно. Оно было тяжелым, мокрым насквозь. Я потрогала второе, третье… все одинаковые. Сырые, будто их специально вымачивали в воде.

Опустила руку в мешочек для угля. На дне две-три жалкие черные крошки. Ни одного целого куска.

Я стояла, держа в руках мокрое полено, и смотрела на холодный, черный очаг.

Первый удар невидимого фронта. Холодная еда. Мокрые дрова. Отсутствие угля.

Игра началась по-настоящему. И правила в ней писала не я.

Я бросила полено обратно в корзину, вытерла мокрую руку о платье.

Ну что ж. Посмотрим, кто кого переиграет. У меня пока что есть глаза, ум и эта тихая, холодная ярость.

Глава 12. Холодная ставка

Действовать нужно было сейчас. Пока не пришла слабость от голода, и пока меня не призвала к себе леди Маргарет. Я вспомнила вид из чердачного окна: дровяной сарай стоял в дальнем углу двора, за каретным навесом. И еще мальчишку-подручного, который таскал оттуда поленья для кухонной плиты. Значит, дрова там есть. Сухие.

У меня не было теплой одежды, кроме того жалкого плаща, который мне сунула второпях мадам Лизет. Я накинула его поверх платья. Он не грел, но хоть как-то мог прикрыть от холодного декабрьского ветра во дворе. На цыпочках спустилась по черной лестнице. В кухне гремели кастрюлями, но дверь во двор была заперта только на щеколду. Я приоткрыла ее, огляделась.

Двор встретил меня промозглым дыханием. Воздух был влажным, холодным, пах мокрым камнем, дымом из далеких труб и прелыми листьями. Тучи низко висели над крышами, окрашивая все в оттенки серого и грязно-белого.

Ветер рвал полы плаща. Я крепче сжала его в озябших пальцах. Это был не просто поход за дровами. Это был тихий бунт. Решение не сдаваться в этой мелкой, подлой войне. Пусть они оставят меня без тепла. Я найду его сама.

Я пробиралась по гравийной тропинке к дальнему углу, где стоял аккуратный, крытый шифером сарай из темного дерева. Дверь была ровной, покрашенной в тот же темно-зеленый цвет, что и ставни на доме.

И у этой двери, прислонившись к косяку, стоял он.

Капитан Дэвид.

Я видела его со спины. На нем было добротное офицерское пальто, наброшенное наспех. Он стоял, отвернувшись от ветра, но вся его поза была одним сплошным криком боли. Плечи были перекошены, спина застыла в неестественном, вымученном изгибе. От его фигуры тянулась тонкая струйка дыма, но дело было явно не в сигарете.

Он замер. Не в покое. В муке. Он вжался здоровым плечом в стену, пытаясь стать частью дерева и камня, лишь бы только не чувствовать. Рука, державшая трость, была вытянута и напряжена до дрожи.

Я замедлила шаг. Мой взгляд – не взгляд Эмбер – сам собой переключился в режим сканирования.

И я увидела.

Увидела не просто хромого человека. Увидела картину неправильно сросшейся жизни. Каждый мускул, каждая кость в его теле кричали об одной и той же ошибке: отсутствии помощи.

Его не вылечили. Его собрали после ранения и бросили выживать, обрекая на вечную войну с собственным телом. Больная нога была лишь отправной точкой. От нее, как паутина, расходились новые узлы боли: в спине, в плече, в шее. Тело, пытаясь приспособиться, калечило само себя.

Внутри все сжалось. От профессиональной ярости. Передо мной стоял сложный, запущенный случай. Пациент, чью боль можно и нужно было облегчить. Пусть не вылечить полностью, но дать ему шанс на жизнь с меньшими мучениями.

Я стояла в тени каретного сарая, наблюдая, как он борется, и чувствовала почти физическое желание подойти, положить руки на эти спазмированные мышцы и заставить их отпустить.

Под моей ногой раздался хруст: я наступила на промерзшую ветку.

Он вздрогнул так резко, как будто рядом разорвался снаряд. Сигарета выпала из пальцев. Его тело инстинктивно рванулось в сторону, здоровая нога сделала шаг, больная подогнулась, и он едва удержался, впившись в трость так, что та затрещала.

Глаза, широко распахнутые, метнулись в мою сторону. В них не было страха. Было что-то худшее: мгновенная, животная настороженность солдата, застигнутого врасплох. И за ней стремительно нарастающее холодное раздражение.

Прошла пара секунд, пока он меня узнал. Гримаса боли сменилась привычной маской отстраненности. Он выпрямился, насколько мог, сглаживая перекос в плечах. Но напряжение в спине никуда не делось.

— Мисс Локвуд, — его голос был хриплым, будто он давно не говорил. — Вы потерялись?

Я сделала шаг из тени.

— Нет. Мне нужны дрова.

Просто. Без оправданий, без жалоб на холодную комнату или мокрые поленья.

Его взгляд скользнул по моему плащу, по моим рукам, спрятанным в складках ткани. Что-то в них – может, решимость, а может, просто усталость – заставило его холодную маску дрогнуть. Он понял. Он жил в этом доме дольше меня. Он знал, как здесь все устроено.

Он молча кивнул. С трудом, опираясь на трость, он наклонился, чтобы поднять упавшую сигарету, но не смог. Лицо снова исказила судорога. Сдержанный, свистящий выдох вырвался у него из груди. Он махнул рукой, оставив окурок на земле, и повернулся к двери сарая.

— Позвольте, — пробормотал он.

Он уперся плечом в тяжелую доску, отодвинул деревянный засов. Дверь с глухим скрипом подалась. Внутри пахло сухим деревом, пылью и холодом: тем особым, промозглым холодом, что копится в закрытых помещениях зимой. Но дрова лежали аккуратными поленницами, ровными и сухими, не то что те мокрые чурбаки, что подсунули мне.

Я молча вошла, выбрала несколько поленьев поменьше и покрепче и сложила их в сгиб руки, прижав к груди. Сухие, добротные. Их вес был приятным: вес маленькой, но важной победы.

Дэвид стоял в дверях, заслоняя проход, наблюдая. Напряжение висело в воздухе гуще утреннего тумана. Я чувствовала его взгляд на своей спине. Взгляд, в котором теперь смешались раздражение, любопытство и та самая глухая боль, которую он так старался скрыть.

Я поправила поленья, чтобы они не выскользнули, и повернулась к выходу. Он не отходил от двери. И тогда я сказала. Очень тихо, почти без интонации. Не как сочувствие. Как констатацию погоды за окном.

— Капитан… боль от такой травмы часто отдает в поясницу. Особенно если долго стоять в холоде.

Он замер. Казалось, даже дыхание его остановилось. В его глазах не было гнева. Был шок. Чистый, немой шок, смешанный с жгучим, почти болезненным интересом. Он смотрел на меня так, будто я только что назвала его самое тщательно скрываемое, постыдное имя. Как будто я сорвала с него не только пальто, но и слой кожи, под которым пряталась эта глухая, ноющая правда. В его взгляде читался немой вопрос, от которого он сам, казалось, остолбенел: «Откуда вы это знаете?»

— Вы удивительно наблюдательны, мисс Локвуд, — наконец выдавил он. Голос его был низким, в нем звучала усталость, глубокая, как колодезь. И что-то еще. Слабый, едва уловимый намек на то, что он давно похоронил: на надежду.

Я встретила его взгляд. И в этот момент поняла, что не могу ему лгать. Не хочу. Легенда про дядю и акушерку, которая сработала на леди Маргарет, здесь рассыпалась бы в прах. Он бы почуял фальшь за версту.

Что я могу сказать? Правду? Нет, это невозможно.

Я пожала плечами, поправляя тяжелые поленья в руках.

— Вы будете удивлены, капитан, но в моей голове уже давно зреют мысли о том, как и каким способом можно помочь людям, которых мучают те или иные недуги. Если бы к жен-

щинам в наше время относились иначе… из меня бы получился неплохой лекарь. Но увы, — я сделала маленькую паузу. — Иногда достаточно просто видеть человека. А не его хромоту.

Он молчал, впитывая каждое слово.

— А пока, — я кивнула на его трость, — вы перегружаете правое плечо и спину, потому что ставите трость неправильно. Ее нужно ставить не рядом с собой, а чуть впереди и сбоку, когда делаете шаг левой ногой. И опираться на нее всем весом корпуса мягко, а не вцепляться в рукоятку, будто она враг. Иначе вы не разгружаете ногу, а только ковыляете, и к весне у вас заболит все, что еще не болит.

Я сказала это сухо, по-деловому. Как инструктаж. Не как предложение помощи, а как констатацию ошибки.

Он взглянул на свою трость, сжатую в белых от напряжения пальцах. Потом снова на меня.

— Вы многое берете на себя, мисс Локвуд, — произнес он. Но в его тоне не было упрека. Было удивление. И оценка.

— Я просто беру дрова, капитан. Простите, мне нужно вернуться в дом.

Я сделала шаг вперед. Он на секунду задержал меня в дверях своим взглядом, тяжелым и вопрошающим, а затем молча посторонился, пропуская.

Проходя мимо, я чувствовала гравий под тонкими подошвами ботинок и его взгляд у себя в спине. Он не следил за мной с враждебностью или презрением. Он наблюдал. Как за внезапно появившейся на карте неизвестной территорией.

Я шла обратно к черной двери, нагруженная дровами, с ледяными пальцами и горящей изнутри решимостью. Я выиграла этот мелкий, бытовой бой. У меня теперь будет тепло.

Но я только что открыла новый фронт. Гораздо более опасный. Гораздо более личный.

У меня теперь было два пациента. Леди Маргарет с ее мигренями. И капитан Дэвид с его невидимыми ранами.

И внимание самого проницательного в этом доме наблюдателя – после сэра Генри – теперь было приковано ко мне. Не как к проблеме. Не как к инструменту. Как к загадке, которую он, кажется, очень захотел разгадать.

Черная дверь захлопнулась за мной, отсекая холодный двор. Впереди были скрипучие ступени, моя ледяная комната и необходимость разжечь огонь.

Но в голове уже строились планы. Не только как согреться. Как помочь.

Игра усложнялась. Но и ставки росли.

Глава 13. Испытание в салоне

Тернбулл пришла с лицом человека, которого заставили проглотить лимон. В руках она несла сложенный сверток из ткани темно-синего цвета, почти черного.

— Леди Маргарет велела подготовить вас к выезду. Вот, — она положила платье на кровать, будто подкидывала мусор.

Я развернула. Бархат. Тяжелый, плотный. К нему шло теплое пальто на меховой подкладке, крепкие ботинки на шнуровке и скромная шляпка с вуалью. Никаких украшений, все строго. Но это было настоящее, хорошее платье. Не роба служанки.

— Переодевайтесь. Через полчаса в холле, — бросила Тернбулл и вышла, хлопнув дверью.

Я надела бархат. Он сидел чуть свободно, но сидел хорошо. Из зеркала смотрела молодая женщина в чужом добротном бархате: ткань и крой говорили о достатке прежней владелицы. Чужая роскошь, одетая на меня. Только глаза в отражении были свои: слишком острые, слишком внимательные для этой тихой роли.

Я надела шляпку, поправила вуаль. Маска готова.

В холле леди Маргарет уже ждала, закутанная в ротонду из соболя.

Я внутренне насторожилась. Мне казалось, я спустилась достаточно быстро, как только привела себя в порядок. Значит, либо леди Маргарет всегда выходит заранее, либо… Тернбулл могла намеренно задержаться с нарядом, чтобы я выбежала позже и заставила хозяйку ждать.

Но леди Маргарет не проявляла нетерпения. Она просто стояла. Ее взгляд скользнул по мне оценивающе, и в уголках губ дрогнуло что-то, похожее на молчаливое одобрение.

— Прилично, — коротко кивнула она. — Пойдемте.

К подъезду подали закрытую карету. Видимо, леди Маргарет предпочитала проверенную тишину и плавный ход кареты грохоту и чаду автомобиля. Да и для светского визита это было консервативнее, солиднее.

Меня вдруг позабавила эта мысль. Сэр Генри, человек дела, владелец завода, наверняка имел автомобиль. Но в бордель он приехал на карете. Не из скромности, уж точно. Просто автомобиль в таком деле, как фонарь в темноте: слишком заметно, слишком шумно. Карета же растворялась в лондонском тумане, как и все его деликатные операции.

Мы ехали молча. Леди Маргарет смотрела в окно, ее лицо было задумчивым и чуть усталым. Карета мягко покачивалась, изредка поскрипывая рессорами. Снаружи плыли затянутые туманом улицы, редкие прохожие, другие экипажи.

Первый визит оказался коротким и скучным. Дом как дом, гостиная с тяжелой мебелью. Хозяйка – жена какого-то чиновника, полная дама с натянутой улыбкой. Разговор крутился вокруг погоды, предстоящих праздников и трудностей с поставками сахара. Я стояла у стены, чуть позади леди Маргарет, глаза опущены, руки сложены. Идеальная тень.

Леди Маргарет кивала, отвечала вежливыми односложными фразами. Через двадцать минут мы уже выходили на крыльцо.

— Выдержали испытание, мисс Локвуд, — сказала она в карете, глядя в окно. — Теперь второй визит. Дом леди Элинор Брэдли. Там соберется комитет помощи семьям призванных. Вести себя нужно безупречно. И молчать.

Я кивнула. Молчать. Легко сказать.

Дом леди Брэдли был больше и мрачнее. В гостиной пахло навощенным паркетом, сухими лепестками в вазах и чем-то неуловимым, но знакомым: той самой подавленной тревогой, что висит в домах, где ждут вестей с фронта. На стенах – портреты мужчин в мундирах. Молодые лица, серьезные взгляды. За окном – серый лондонский день.

Дамы сидели по кругу, около десяти человек. Все в темных, строгих платьях. Говорили тихо, о сборах теплых вещей, о письмах на фронт, о трудностях с пенсиями. Воздух был густым, как кисель. Каждое слово звучало будто через вату.

Я стояла у двери, рядом с другими компаньонками и горничными. Смотрела на лица. Усталость, страх, показная стойкость. А потом увидела ее.

Миссис Хартли, как я успела уловить из разговора. Худая женщина лет сорока, с бледным, напряженным лицом. Она сидела, сжимая в руках носовой платок, и все время вздрагивала от каждого стука чашки о блюдце. Ее глаза бегали по комнате, ни на чем не останавливаясь.

И вот в дверь постучали. Вошел слуга, подошел к леди Брэдли и что-то прошептал. Та побледнела, взяла у него телеграмму и медленно встала.

— Миссис Хартли… — ее голос дрогнул. — Для вас. От военного министерства.

Комната замерла. Миссис Хартли поднялась. Руки у нее тряслись. Она взяла телеграмму, разорвала конверт. Глаза пробежали по строчкам. И вдруг она издала странный звук: не крик, а скорее хрип. Телеграмма выпала из ее пальцев.

— Он… пропал… — выдохнула она. — Не найден… среди…

Ее дыхание стало частым, резким – гипервентиляция. Она схватилась за горло, глаза округлились от ужаса. Тело затряслось мелкой, неконтролируемой дрожью. Классическая паническая атака. Организм думает, что задыхается, хотя воздуха вокруг полно.

В комнате поднялась паника.

— О боже! Воды! — закричала одна.

— Нюхательную соль! Срочно! — засуетилась другая.

— Побрызгайте ей в лицо!

Кто-то побежал, кто-то замахал веером. Хаос. Чистый, беспомощный хаос. А миссис Хартли продолжала хватать воздух, ее пальцы впились в горло, глаза закатились.

И тут во мне что-то щелкнуло. Нюхательная соль? Сейчас? Резкий запах нашатыря вызовет спазм, она действительно захлебнется. Они ее сейчас сами добьют, от благих намерений.

Я шагнула вперед. Не думая. Просто шагнула.

— Позвольте мне, леди Маргарет, — сказала я ровным голосом, проходя мимо нее.

Она даже не успела ответить. Я подошла к миссис Хартли, взяла ее за запястья. Крепко, но нежно.

— Миссис Хартли. Посмотрите на меня. Только на меня.

Ее бегающий взгляд на секунду зацепился за мои глаза. В них был чистый животный ужас.

— Вы дышите слишком часто. Нужно замедлить. Вдохните… через нос… медленно… как будто нюхаете цветок.

Я сама сделала глубокий, преувеличенно медленный вдох. Она попыталась повторить, но получилось сдавленно.

— Еще раз. Медленно. Задержите… и выдохните через рот… как будто дуете на свечу, но чтобы не задуть ее.

Я выдохнула, она – следом. Ее пальцы в моих руках чуть ослабли.

— Вот так. Еще раз. Вдох… задержка… выдох.

Я не отрывала от нее взгляда. Говорила спокойно, монотонно, задавая ритм. Кто-то рядом что-то говорил, но я даже не слышала. Только ее прерывистое дыхание и мой голос.

Через минуту она перестала трястись. Дыхание выровнялось, стало глубже. Она не плакала. Она просто смотрела на меня, и в ее глазах был уже не ужас, а глубокая, бездонная боль. Осознанная. Человеческая.

Она сжала мою руку.

— Спасибо… — прошептала она. — Я не могла дышать…

Я кивнула, отпустила ее запястья и аккуратно помогла ей сесть в кресло. Потом подняла телеграмму с пола и положила ей на колени. Без слов.

В комнате стояла гробовая тишина. Все смотрели на меня. Десять пар глаз: шокированных, непонимающих, восхищенных. Леди Маргарет сидела бледная, как ее кружевной воротник. Ее взгляд был таким же, как у всех: ошеломленным.

Леди Брэдли первая пришла в себя.

— Миссис Хартли, дорогая… вам, наверное, нужно домой. Я распоряжусь насчет кареты.

Суета возобновилась, но теперь она была тихой, почтительной. Дамы обступили миссис Хартли, зашептали слова поддержки.

Я отступила назад, к своему месту у стены. Мои руки слегка дрожали. Адреналин.

Леди Маргарет поднялась.

— Нам тоже пора, — сказала она хозяйке. Ее голос звучал ровно, но я уловила в нем легкую дрожь. — Простите за беспокойство.

«Простите за беспокойство». Так вежливо, так правильно. А по сути: «Простите, что моя компаньонка устроила спектакль». «Молчать» не получилось. Быть незаметной – тоже. Зато в соседнем кресле сейчас дышит живая женщина, а не захлебнувшаяся в панике мать, получившая худшую из вестей. Оставалось надеяться, что ее сын найдется. Желательно – живым. Все остальное казалось сейчас мелочью.

Мы вышли. В карете она молчала до самого порога нашего дома. Только когда кучер уже открывал дверцу, она повернулась ко мне.

— Вы были… весьма убедительны, мисс Локвуд, — произнесла она тихо в карете. И добавила, уже глядя в сторону: — И, кажется, весьма полезны.

Она вышла из кареты, не дожидаясь моей помощи, и быстро направилась к дому. Я последовала в нескольких шагах сзади, стараясь не привлекать внимания.

В холле нас уже ждала Тернбулл. Ее каменное лицо не выражало ничего, кроме привычной холодности. Леди Маргарет сняла перчатки и обернулась ко мне:

— Мисс Локвуд, вы свободны до ужина.

Я поклонилась и пошла к черной лестнице. Поднимаясь на чердак, я понимала, что тишины не будет. Теперь я не просто «инструмент». Теперь я – событие. И за события в этом доме всегда приходится платить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.